

A movie poster for 'Magellan: The Hunter'. The top half shows a futuristic astronaut in a white and blue suit with a large helmet, crouching on a rocky outcrop in a dense forest. Opposite him stands a young Native American boy, shirtless, wearing a loincloth and a feathered headband, holding a spear. Sunlight filters through the trees, creating a dramatic atmosphere. In the bottom right corner, there is a circular logo with the text '18+'.

18+

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ
МАГЕЛЛАН
ЧАСТЬ II ЕГЕРЬ

Евгений Юрьевич Ильичев

Магеллан. Часть II. Егерь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67293231

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед читателем вторая книга серии "Магеллан". "Экипаж "Ермака" – челнока звездного крейсера "Магеллан", вот уже год находится на чужой Земле. Налажен быт, налажены связи с местными жителями. Изучена фауна и достигнут значительный прогресс в изучении таинственного сооружения "Колыбель", где день за днем штампуются новые и новые заготовки людей – кореллы. За этот год Герман и его товарищи поняли, что выживание человечества невозможно без симбиоза аборигенов и кореллов. Но как одних социализировать, а других вразумить? Как объяснить, отброшенному на тысячи лет назад, в культурном плане, человеку, что вопрос выживания всего человечества лежит огромным грузом на плечах всех, без исключения, людей на планете. И самое главное, как избежать ненужной кровопролитной войны, которую стремятся развязать невидимые третьи силы?

Содержание

Глава 1 – Егерь.	4
Глава 2 – Выкуп.	13
Глава 3 – Первая ночь в Пустоши.	23
Глава 4 – Конь.	32
Глава 5 – Бой.	45
Глава 6 – «Ермак».	57
Глава 7 – Новый Мечников.	71
Глава 8 – Первый брифинг.	82
Глава 9 – «Объект».	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Ильичев

Магеллан. Часть II. Егерь

Глава 1 – Егерь.

Я хорошо помню первые дни жизни с Германом. Бывает, хочу припомнить, что происходило пару лун назад или хотя бы седьмого дня, но не могу. События так быстро сменяют друг друга, что путаются в памяти. Нет четкости. А первые дни с этим грубым молчаливым егерем помню как вчера.

Герман выкупил меня у сотрапезников, когда мне и восьми зим не было. Я тогда у них в хлеву работал. В основном ухаживал за скотом: чистил стойла, задавал на день помои, зимой топил снег, летом ходил по воду к реке. Единственная причина, по которой я не был заперт вместе со скотом – моя хилость. Кормилицы я не помню, но младшие из сотрапезников (их еще называли странным словом «дети»), рассказывали мне, что я родился у нее последним. Последним и самым слабым. Я не кричал, не елозил ногами, как мои утробные братья, и был от них в половину силы. Тех двоих от кормилицы отняли быстро, не прошло и трех лун. Меня же оставили. Решили, не выживу. На скот я не тянул, стало быть, мог пойти на корм самой кормилице или другим в хлеву. Но кормилица по какой-то неведомой мне причине пощадила

своего последыша. Выходила меня, вскормила молоком. Еды своей часть отдавала, когда молоко больше не питало меня. Жевала сперва сама, потом мне в рот клала мягкую кашу. Я морщился, но ел. Дворовые дети всё гадали, когда же приберет меня земля. Сначала давали не больше седмицы. После отводили мне на жизнь не более двух лун. А когда я окреп и встал на ноги, пророчили не пережить первой зимы. Вопреки пророчествам, прежде чем меня отняли у кормилицы, я пережил две зимы и еще четверых утробных братьев и сестер. К третьей зиме сотрапезники поняли, что земля не спешит прибирать меня к себе, а мое присутствие в хлеву стоит кормилице ее веса. Меня отмыли, остригли и взяли в дом. Скорее как питомца, нежели для дела. Многие кланы сотрапезников так поступали со своим скотом. Первое время со мной возились их дети, а, наигравшись, забывали где-нибудь в доме. Старшие сотрапезники чаще отшвыривали меня от себя пинками – им я старался на глаза вообще не попадаться. Иногда их дети стравливали меня с другими такими же питомцами – так, потехи ради. Кормили меня объедками со стола. Поили чем придется. Порой забывали обо мне на несколько дней, тогда приходилось есть снег. К четвертой зиме я стал понимать речь сотрапезников. Меня учили выполнять простые задания по дому. Я мыл утварь после яств, ловил мышей, часто ими же и питался. Позже стали поручать задания посложнее: вычистить печную трубу от сажи, вычесать хозяйского пса или натаскать дров из дров-

ницы. Старшие дети часто посылали с записками на чужой двор, где меня регулярно били более сильные последыши.

К пятой зиме хозяин посчитал, что в доме от меня пользы маловато, а ем я при этом все больше, и выгнал меня работать обратно в хлев. Кормилицу свою я там уже не застал. Хозяйка отрядила мне спать возле стойла, так было проще следить за очагом, и велела запоминать все, что делала сама. Спустя пару седмиц она начала давать мне поручения, которые я старательно выполнял. Так я стал помогать хозяйке со скотом, вместе с которым жил, вместе с которым ел. Единственное мое отличие от него было в том, что моя нагота была прикрыта старой ветошью. И, конечно же, я понимал речь сотрапезников. Остальной скот был наг и глуп. Их растили на убой или для работы. Молочных почти не было, невыгодно стало продавать молоко. Ходили слухи, что другие кланы научились для этих целей выращивать страшных чудовищ из Пустоши, которых приводили егеря. Наш курень был на отшибе кнежити, а посему любые новшества до нас доходили в самую последнюю очередь.

Так, в заботах и работе с утра до ночи, прошло еще две зимы. А в восьмую свою зиму, самую лютую и голодную, я впервые в своей жизни увидел настоящего егеря. Стояла злая морозная ночь. В очаге едва теплился огонь, выхватывая у мрака с локоть пространства. В печи дотлевали алые угли. Вся скотина сбилась в одну кучу, стараясь согреться теплом друг друга. Я бросил в топку последние два полена, тут

же схватившиеся робким пламенем. Это подарит нам еще немного тепла, а потом... О грядущем думать не хотелось. Я встал, пытаюсь разогнать по ногам и рукам тепло, и поглядел в маленькое заиндевшее окошко на луну, уже клонившуюся за лес. Стало быть, скоро утро. Вот-вот проснется хозяйка и принесет горячих камней для печи. Обрадовавшись этой мысли и вплотную задвинув крышку поддувала, чтобы поленья горели дольше, я полез в стойло. Хотелось поскорее прижаться к теплым собратям и провалиться в чернь – это был единственный способ не замерзнуть насмерть в холодном хлеву. С трудом я протиснулся между чьими-то руками и ногами, от кого-то получил пару раз под ребра, но, уткнувшись все же в чью-то горячую спину, смог задремать. Помню, последняя мысль в ту ночь была не радостной. Если хозяйка проспит побудку, то, скорее всего, весь скот померзнет. И я вместе с ним. Я представил, как рассвирепеет хозяин, когда узнает, что в такую-то холодную зиму его клан остался без живой скотины. Ох, и не сладко же будет хозяйке. Ее я почему-то жалел, хотя не припомню, чтобы она была когда-либо ко мне особенно добра. Худо-бедно, до весны они проживут – в клане было всего-то срубов, сколько пальцев на руке. В каждом – по семье. Не так уж и много ртов. Мяса хватит аккуратно до тепла. Если, конечно, правильно освежевать да заморозить. Солить уже нечем было, соль еще в прошлую луну закончилась. Проблема в том, что, если скот померзнет, на теплых менах клану нечем будет торго-

вать. А это равнозначно его роспуску.

Я покачал головой, уже пребывая больше в черни, нежели в свете. Нет, не может такого быть – хозяйка обязательно подогреет хлев. Вот еще немного поспит и прибежит как миленькая. Кинет в топку лопату горячего камня, а может, сразу две. Зашипят они, мокрые еще, с мороза в снегу, да возьмутся ярким белым пламенем. И станет в хлеву жарко. Скот начнет потеть и расползаться друг от друга по стойлу. Я выползу из-под жаркой туши, под которую сейчас так рьяно зарываюсь, и пойду топить снег для питья. Работа – она греет.

Видимо, я уже дремал, представляя все это, когда ворота хлева настежь распахнулись. Я вздрогнул от грохота и проснулся. Холодный ветер ледяным клинком полоснул мою спину, заставил поежиться. Едва дыша, я открыл один глаз. Это не могла быть хозяйка, она вошла бы через дверь. В свете луны стоял незнакомец в странных одеяниях. Его огромная голова слегка светилась. Он оглядел хлев, словно прикидывая возможные варианты своих действий. Не найдя ничего лучшего, вошел внутрь. Незванный гость прикрыл за собой ворота, и в хлеву вновь стало не видно ни зги. Остальной скот то ли не проснулся ещё, то ли не счёл нужным придавать значения происходящему. Мне же стало страшно.

Ветер, впущенный незнакомцем, задул едва тлеющий огонь в печи. Очаг, судя по всему, уже давно погас сам. Еще немного, и кладка, и без того еле теплая, начнет остывать,

а через пару часов в хлеву воцарится такой же холод, что и снаружи. Стаду все равно, они глупые и, вероятно, перед тем, как замерзнуть, даже черни не покинут. Но я, я-то не сплю. Я тут и все чувствую.

Немного привстав, я попытался разглядеть во тьме незнакомца. Озираясь по сторонам, тот медленно прошелся вдоль хлева. Убедившись, что в хлеву никого, кроме скота, нет, чужак снял свою верхнюю голову и положил ее перед собой. Под ней оказалась вполне естественных размеров голова соотрапезника, только густо заросшая седеющими волосами. Из верхней головы начал струиться белый свет, выхватывая из тьмы внешность незнакомца. Одет он был в странные одеяния. Никаких шуб или меха, вместо них – гладкий пятнистый полушубок. Надет он был поверх второй кожи цвета грязного снега. На ногах вместо привычной для такой суровой зимы меховой обуви – плотно прилегающая когтистая кожа черного цвета. Чужак снял со спины горб и, поставив его перед собой, стал в нем рыться. Отыскав что-то, незнакомец направился к потухшему очагу и поднял руку над ним на высоте своего роста, словно показывая всем вокруг странный округлый предмет. Затем убрал руку, а предмет остался висеть в воздухе, медленно вращаясь. Через мгновение это странное нечто начало вращаться быстрее и при этом излучать приятный свет. Не успел чужак вернуться к своей голове, как в хлеву стало заметно теплее. Летающий шар излучал тепло! Я, словно замороженный, смотрел на чудо, явленное

незнакомцем, позабыв о всяком страхе. Чужак принес с собой тепло и спас стадо. И меня спас.

– Ты не голый, – грубый голос чужака заставил меня пригнуться. Но прятаться уже смысла не было, он заметил меня и повторил. – Ты одет, но ночуешь в хлеву. Почему?

Ответить я не мог, поскольку речи меня не учили, но при этом я прекрасно понимал незнакомца. Он говорил хоть и чудно, но все же на знакомом мне языке сотрапезников. Выбравшись из-под собратьев, я медленно вышел к незнакомцу. Он уже не казался мне настолько страшным. Я взял лопату и изобразил работу, которую выполнял ежедневно.

– Работаешь, значит, тут.

Чужак извлек из своего горба какой-то сверток и протянул его мне. Я отстранился, робея.

– Ну бери, бери! – подбодрил меня незнакомец и, словно желая показать, что сверток не опасен, сам его раскрыл. Это был хлеб! Самый настоящий хлеб, который ели сотрапезники по большим праздникам. Я пробовал такой лишь однажды. Украл со стола, за что позже хозяин меня избил до полусмерти, но оно, конечно же, того стоило.

Этот сотрапезник был очень странным. Сам, по своей воле отдает мне, скотине, свой хлеб. Чудной. В моем животе протяжно и монотонно заскулил Жиин. И я, конечно, взял хлеб.

Незнакомец со мной больше не говорил. Он молча поел и растянулся прямо на полу, укрывшись своим верхним по-

лушубком. Заснул мгновенно. Я подкрался к нему, чтобы рассмотреть поближе. Это был огромный, сильный сотрапезник. Лицо его, сожженное солнцем, было наискось изрезано двумя шрамами. Мне стало интересно, что еще может скрывать его горб. Хлеба, что дал мне незнакомец, конечно, не хватило, чтобы утолить зов ненасытного Жии. Но, только я поднес к горбу руку, как ее плавно, но довольно настойчиво отвело в сторону. Казалось, сам воздух вокруг горба не позволял мне дотронуться до него. Я попытался дотянуться до ноги чужака. Невидимая сила и тут не позволила мне приблизиться. Что ж, видимо, такова воля Богов, сообразил я и удалился к себе в стойло. От чудесного шара, висящего в воздухе, все еще исходил живительный жар. Скот быстро разморило, и сонные животные расплзлись по углам, не в силах больше находиться вместе. Меня тоже потянуло в чернь, но в ту ночь уснуть мне так и не пришлось.

Едва забрезжил рассвет, я услышал во дворе шум. Хозяйка все-таки проспала. Хозяин поднялся раньше и теперь бранными словами гнал ее, сонную, проверять, не померз ли скот. Я отчетливо слышал несколько затрещин. Что ж, хозяина можно понять, не для того он все лето отлавливал с сыновьями скотину по лесам, чтобы разом лишиться посреди зимы всего хозяйства. Но едва они приблизились к хлеву, крики смолкли. «Увидели следы на снегу, что оставил за собой ночной гость», – сообразил я и, от греха, забрался в самый дальний угол хлева, откуда все было прекрасно вид-

но. Дверь в хлев медленно отворилась, и на пороге появился хозяин с вилами наперевес. Медленно озираясь, он подошел к спящему мертвым сном незнакомцу и заглянул тому в лицо. У входа, согнувшись в три погибели и прижимая руки ко рту, осталась стоять хозяйка. Оценив ситуацию, хозяин медленно поднял над головой вилы.

«Заколет!» – похолодело у меня в груди, и, не в силах сдержаться, я вскрикнул, но тут же осекся. В тот же миг незнакомец открыл глаза, но хозяин уже послал ему в голову смертельный удар. Острие вил, казалось, уже достигло цели, как вдруг та самая неведомая мне сила отвела страшный удар в сторону. Вилы воткнулись в землю в локте от головы незнакомца. Хозяин оцепенел и попятился назад. Чужак медленно поднялся и взглянул на сотрапезника.

– Что же ты, Курьма? – спросил чужак, натягивая на плечи полушубок. – Никак, старого знакомого не признал? Я тебе скотину от гибели спас, а ты с вилами на меня? Ты должен мне. Был с прошлых раз должен. А теперь, – чужак оглядел хлев, – долг твой безмерен. Пусть твоя женщина натопит тут, а мы с тобою пока потолкуем. Пойдем, Курьма, в дом.

Глава 2 – Выкуп.

Все утро я работал на износ – так хотелось поскорее оказаться в доме. Я натаскал и растопил достаточно снега, вычистил ясли и задал корм скотине. Выгреб хлев и снес всю грязь в смердящую яму. После чего хозяйка выдала мне залатанный кое-как полушубок и велела натаскать к ночи дров из дровяника. Утро выдалось морозным, но холода я почти не чувствовал. Работа спорилась в моих руках, и уже вскоре в хлеву было достаточно поленьев, чтобы пережить еще одну ночь. Конечно, при условии, если с вечера хозяйка затопит печь горючим камнем. Покончив со всеми делами, я вызвался перетаскать в дом молоко, что хозяйка надоила в миски.

– Смотри у меня, – выругалась хозяйка, – отхлебнешь хоть глоток – высеку!

Я понимал, что угроза не напрасна. После утренней выволочки от хозяина ей нужно было выместить на ком-то злость. Чаще всего под ее горячую руку попадал я. Изобразив смиренный трепет, я усиленно замотал головой. Мне и впрямь было не до молока. В любой другой день я бы не упустил возможности отпить прямо из миски, затем разбавил бы и без того нежирный надой пригоршней снега. Дел-то... Но сегодня... Сегодня мое любопытство пересилило вечный голод.

Я накинул полушубок, взял миску с молоком из рук хозяйки и медленно, стараясь не пролить ни капли, направился

в дом. На лютном холоде голые руки тут же задубели. Кончики пальцев начало нестерпимо жечь, но я уже не обращал на эти мелочи внимания. Узнать, о чем говорили путник с хозяином, – вот была цель моей вылазки в дом. Пройдя заснеженными огородами и свернув за баню, я оказался под навесом холодной кухни. Зимой она представляла собой склад ненужной кухонной утвари. Из нее в главный дом можно было попасть двумя путями: обогнуть сам дом слева и пройти через парадное либо зайти через конюшню с черного хода. Второй вариант показался мне более приемлемым, поскольку давал мне шанс остаться для домашних незамеченным. Большая часть дома еще спала, хозяйские дети не утруждали себя работой спозаранок. Была маленькая вероятность наткнуться на брата хозяина – в эту зиму он с женой и детьми жил в нашем доме, поскольку его дом сгорел еще осенью. Но, как правило, и они не вставали раньше первого поклонения Жиин. Я поставил тяжелую миску с молоком на стол в холодной кухне и тихонько отворил дверь в конюшню. Горячий Гром, единственный уцелевший хозяйский конь, еще спал, лениво подергивая ухом в ответ на издаваемый мною шорох. Мне нужно было отворить эту дверь и дверь в самую избу, чтобы после вернуться за молоком. С тяжелой миской в руках одному в дом было не попасть. Я прошел к задней стене конюшни и, упершись, толкнул дверь. Та легко, почти без скрипа, поддалась. Петли этой двери я регулярно смазывал жиром именно для таких вот вылазок в дом. Прокор-

миться одним сеном было практически нереально, приходилось время от времени подворовывать.

Едва я заглянул внутрь, как послышались приглушенные голоса. Говорили явно на кухне, но дверь туда была заперта, и слов было не разобрать. Стена кухни выходила небольшим вентиляционным оконцем в уборную. В норме это была мойка, но в лютые зимы выбегать на улицу по нужде было проблематично, потому между домашними было условлено, что нужник в виде отдельно стоящего корыта временно располагался именно там. Остальной дом, казалось, спал беспробудным сном. Незамеченный, я на четвереньках прошмыгнул в мойку, предусмотрительно выставляя вперед руки, чтобы не вляпаться в корыто, еще полное испражнений с ночи. Таким образом я добрался до заветного оконца, что тускло светило под потолком. Оттуда тянуло табаком – сидевшие на кухне мужчины, очевидно, закурили. Первые секунды мне казалось, что их уже нет в доме, такая стояла тишь. Но вдруг из окна донеслись четкие шаги. Ходил незнакомец. Хозяйскую поступь я бы из множества узнал. Тяжелые шаги вдруг затихли, и я уловил тихий разговор:

– ...Не думал ли ты, Курьма, что я прощу тебе долг? – сурово поинтересовался путник.

– Егеря не приходят сюда ежегодно, – ледяным тоном отвечал хозяин.

Я знал этот тон. То был тон лютой ненависти вперемешку с бессилием. Так, тихо, сквозь зубы, скрипя металлом, гово-

рил хозяин лишь в моменты истинного гнева.

– Я решил, – продолжал хозяин, – ты не явишься ранее теплых мен. Я и сейчас-то не признал тебя, егерь. В такую погоду до нашего куреня не добратся.

– И ты решил поднять руку на спящего егеря, не разобравшись? – спокойно спросил незнакомец.

– Мне не нужны лишние рты. Зиме конца и края не видать, а у меня горючий камень на исходе, скотину и ту обогревать нечем. Придется забивать раньше времени...

– Я предупреждал тебя, Курьма! – грозно перебил егерь хозяина. – Твой курень у меня поперек глотки стоит, а ты, баран упрямый, сам привел своих людей к такому концу.

– Мне нечем тебе платить! – столь же яростно воскликнул хозяин. – Даже если ты решишь силой отнять, отнимать нечего!

– Ты, лис паршивый, не прибедняйся. Тебя на менах никто не заставлял бумагу великого кнеса подписывать.

– А ты мне кнесом не тыкай, с ним я сам договорюсь как-нибудь. До ближайшего куреня семь дней езды не лошади, которой у тебя, егерь, нет. А хоть бы и была – ты прежде околеешь от холода, нежели доберешься до первой теплой избы. Не помогут тебе ни твое чародейство, ни оружие твое. Кто ты такой? Такой же человек, как и все. Мы все жалки и ничтожны во власти Богов!

Егерь резко встал. Было слышно, как ярость наполняет его легкие:

– Ты, душегуб, себя с человеком не сравнивай! Вы все в своей кнежити пали до грязных животных. Вы хуже животных – те убивают ради пропитания...

– И я убиваю ради пропитания! – заорал Курьма.

У меня похолодело внутри. Сейчас поубивают друг друга.

– Но не себе подобных! – осадил хозяина егерь. – Вы жре-те людей!

– Они не люди! Это безмозглый скот! Они не знают ни языка, ни веры в богов! Они живут лишь инстинктами! Их невозможно обучить людскому!

Егерь отошел в другой конец кухни, помолчал немного и уже тихим голосом спросил:

– А вы разве пробовали их обучать?

Хозяин не ответил. Повисла гнетущая тишина, прерванная егерем:

– Ладно, мне нет дела до вашей нравственности. Придет время, и вас постигнет незавидная участь. Ты же отдашь мне долг. Сегодня.

– Мне нечем тебе платить, егерь, – повторил Курьма.

– Ты врешь! – ответил путник и с силой топнул ногой. Доски под тяжелым ударом с сухим треском надломились.

– Как? – голос хозяина предательски дал петуха. – Кто тебе рассказал про тайник?

Судя по звуку, хозяин резко встал и бросился к егерю. П слышалась короткая возня. Глухой удар о стену, за которой я прятался, заставил оконце звякнуть. Очевидно, короткая

схватка была вчистую проиграна хозяином. С трудом вставая, он прохрипел:

– Если ты забереешь все, мы не доживем до тепла. Все умрут. Весь курень.

– Меня это мало заботит, – буркнул егерь, собирая что-то звонкое из подпола в свой горб.

– Ты все равно сдохнешь, егерь, – мстительно проговорил хозяин, осознав, что тягаться с путником не в состоянии. – Рубали не спасут тебя. В лесу дичи тоже нет. Только мы знаем, где охотиться. Без нас ты все равно загнешься. Приползешь через пару дней, если не замерзнешь насмерть.

– Разберусь как-нибудь, – буркнул егерь, выходя из кухни.

Еле живой от страха, я попятился назад. Что же это получается? Хозяин начнет забивать сородичей? А сородичи мои, по словам егеря, были людьми? Я не знал, что и думать. Руки налились свинцом, ноги не хотели идти. Мне стало страшно. Мы люди? И нас растили на убой? В груди стало так тоскливо, что я не мог больше дышать. Выходит, и я – человек?

Не разбирая дороги, с пеленой слез на глазах я вышел из конюшни в холодную кухню и тут же уткнулся во что-то теплое. Подняв взгляд, я увидел хозяйку. Та смотрела на меня со свирепым выражением на лице. Я перевел взгляд на стол, на котором до сих пор стояло молоко, о котором я благополучно забыл. Естественно, оно замерзло. В то же мгновение я получил настолько сильную затрещину, что на ка-

кое-то время мир вокруг погас. Очнулся я уже на улице, лютый мороз кусал мне голую спину. Я был привязан к стволу яблони, голый по пояс.

«Сейчас высекут», – подумал я.

Сзади послышался голос хозяйки. Та бранилась самыми последними словами, выбирая из кучи хвороста лозину позвонче. Несмотря на лютый холод, в это момент мне было жарко, как никогда. По всей видимости, это и был мой конец. После таких порок мало кто даже из взрослых сородичей выживал. Куда мне до них? Краем уха я услышал скрип снега за спиной. Кто-то подошел. Голос егеря заставил меня вздрогнуть:

– Чем провинился этот несмышлениш, женщина?

– А тебе какое дело, холера? – выкрикнула хозяйка и направилась ко мне, выбрав, видимо, лучшую из розог. – Ступай своей дорогой, не мешай людям хозяйство вести!

Свист рассекаемого лозиной воздуха заставил меня крепко зажмуриться. Но удара не последовало. Хозяйку вновь остановил голос егеря:

– На что тебе его сечь? Он маленький еще, не поймет. Померет почем зря. Вам его и на обед-то потом не хватит.

– Не твоя забота. Ступай, говорю, куда шел, – огрызнулась хозяйка.

– Продай мне его.

Судя по молчанию, повисшему в воздухе, такого предложения хозяйка не ожидала. Наспех сориентировавшись, она

спросила:

– А сколько дашь?

– Десяток, – ответил егерь.

Я зашелся кашлем, захлебнувшись кровью, что сочилась из рта. Расценки я знал. За взрослого здорового корелла в базарный день давали не больше пяти рубалей, и то после горячих торгов. А тут сразу десять, да за меня!

– Двадцать! – начала торговаться хозяйка, тут же смекнув, что егерь понятия не имеет о рыночной стоимости кореллов.

– Согласен, – не торгуясь, ответил егерь. Но не успели они ударить по рукам, как откуда-то сзади послышался крик Курьмы:

– Сто!

Все обернулись.

– Сто! И не меньше! – задыхаясь от злобы, кричал Курьма, подходя к нам.

– Это половина твоего долга, – ответил егерь.

– Моя цена – сто рубалей за этого последыша. Не хочешь – не плати. Ну-ка, женщина, дай мне розги, я сам его сечь буду!

Хозяин выхватил у жены увесистую лозину и демонстративно замахнулся.

– Стой, Курьма! – остановил его егерь. – Я согласен. Я заплачу твою цену. Но сделаю это не потому, что ты вынудил меня, а потому, что этот последыш – человек, и жизнь его стоит гораздо дороже, чем ты себе можешь представить.

С этими словами егерь снял с плеч свой горб и отсчитал нужную сумму, бросая деньги прямо в снег. Хозяйка, ахнув, тут же упала на колени, подбирая драгоценную плату за жизнь никчемного последыша. Хозяин же с видом победителя не упустил возможности кольнуть противника словом:

– Хочешь заставить меня поверить, что покупаешь его из соображений совести? Как бы не так, егерь! Знаю я вашего брата... На людях полны добродетелей, нравственности учите. А какие вы в Пустоши? Думаешь, я поверю в то, что ты берешь его просто так? Ты сожрешь его в первую же ночь, как покинешь этот курень. Сожрешь и не побрезгуешь, потому что жизнь нынче такая. Сильный поедом слабого ест – вот единственный закон, по которому жить стоит!

Егерь ничего не ответил. Он молча подошел ко мне и одним резким движением обрезал крепкие веревки, что опутывали мои посиневшие руки.

– Иди оденься. Мы выходим немедленно. А ты, Курьма, подготовь мне купчую! Да кнесову печать не забудь поставить.

Не веря в реальность происходящего, я поплелся в хлев. Но меня остановила хозяйка.

– Куда это ты намылился, щенок? Нет тут у тебя ничего своего! Ты скотина, а скотине одежды не положено! Пусть так идет! – с вызовом выкрикнула она в лицо егерю.

Я замер. На лице у старого егеря заиграли желваки. Глаза по-звериному прищурились. Казалось, сейчас он обоих моих хозяев одним махом испепелит. Но, сделав один глубокий

вдох, путник успокоился. Взглянув на меня, егерь промолвил:

– Пошли.

Вырвав из рук Курьмы бумагу со свежей кнесовой печатью, он решительно зашагал прочь от куреня, надевая на себя вторую голову. Остановился посреди заметенной снегом дороги и обернулся.

Я стоял как вкопанный, не решаясь двинуться. Кроме худых валенок на ногах да рваных порток на мне больше ничего не было надето. Я понимал, что в таком виде смогу пройти по лесу от силы с версту. Я смотрел на егеря умоляющим взглядом. Мне страсть как хотелось уйти с ним, но умом я понимал, что поход, который он мне предлагает, для меня означает верную смерть. Прав был хозяин. Сожрет меня старый егерь. Сожрет и не подавится.

– Ну... – поторопил он меня.

И я, очнувшись, бросился к нему, увязая в снегу, руками размазывая по лицу внезапно нахлынувшие слезы. Уж лучше такая смерть, быстрая и легкая, нежели под хозяйскими розгами.

Глава 3 – Первая ночь в Пустоши.

Вопреки словам хозяина, есть меня егерь не стал. Это сейчас я понимаю, насколько дикой была сама мысль о том, что Герман мог взять меня с собой в качестве пропитания. Но тогда мой детский разум, зашоренный и дремучий, рисовал ужасающие картины расправы старого егеря над слабым последышем. Масла в огонь добавляла сама натура Германа. Большой, сильный, грубоватый и малообщительный, поначалу он внушал мне неподдельный страх. Его доброе ко мне отношение я не принимал в расчет, не верил, что сотрапезник может быть добрым к скотине просто потому, что добр по натуре. Привычка ежеминутно ждать наказания от любого сотрапезника за любую провинность накрепко засела во мне и еще долго не отпускала.

Не успели мы выйти из куреня, как егерь укутал меня в свой пятнистый полушубок. Нахлобучив на мою голову капюшон и взяв на руки, он понес меня в пугающую неизвестность. До того дня я не задумывался об истинных масштабах мира, в котором жил. Собственно, для скота мир ограничивался лишь хлевом и полем, в котором он работал. Я же видел и слышал гораздо больше сородичей, но даже в самых смелых своих фантазиях не заходил дальше леса, что начинался сразу за куренем. Да и о размерах этого самого леса понятие я имел лишь самое общее. Знал, что он большой,

что через него до ближайшего куреня не пройти летом и за седмицу, а зимой так и вовсе сгнать можно было в бесконечности его. Но знать какие-то общие факты о белом свете — совсем не то, что увидеть его воочию. В тот момент, когда Герман вынес меня за пределы куреня, мир предстал перед маленьким последышем во всем своем величии. Сейчас, с высоты прожитых лет, я вспоминаю то время, время блаженного неведения своего, с улыбкой. Если бы только знал я тогда, какие расстояния мне придется преодолеть, сколько вынести и скольким пожертвовать.

Утопая в огромном егерском одеянии, я быстро согрелся, а убаюканный мерным покачиванием и ритмичным дыханием Германа, сам не заметил, как провалился в чернь. Мы двигались на север от куреня. Егерь шел не быстро, вязкий снег не давал разогнаться, но настойчивость, с которой он продирался вперед сквозь снежные торосы, была достойна восхищения. Скоро мы оказались далеко за пределами владения сотрапезников, наедине со звенящей пустотой зимнего леса. Могучие ели, исполинские сосны и стройные березы стояли стеной по обе стороны от тракта. Отягощенные льдом и снегом, их верхушки клонились к дороге с обеих сторон, образуя причудливый ледяной тоннель. То тут, то там в морозной тиши леса раздавался глухой утробный треск до предела изогнутых стволов. Звук этот эхом разносился по всей чаще, словно намекая путникам на их хрупкость и уязвимость перед величием природы.

Первую остановку сделали еще засветло. Свернув с тракта, мы провалились в снег по пояс. Герман был очень высоким, поэтому его «по пояс» для меня было «с головой». Он бережно положил меня на снежный наст, от чего я и проснулся. Я был так легок, что сугроб подо мной лишь слегка промялся. Тяжелый же горб его, сброшенный им с плеч неподалеку, сразу провалился под снег. Свою вторую голову егерь тоже снял и положил рядом со мной. Я выглянул из-под полушубка и увидел его, бредущего к кромке леса. Тяжело дыша, разгребая руками снег, он двигался по нетронутой целине к едва приметному бугорку. Добравшись, начал истово разгребать сугроб. Спустя минуту, ухватившись за что-то, он поднатужился и поднял вверх огромную еловую лапу. Усыпанная снегом, она прикрывала собой небольшой лаз. Уперев ветку невесть откуда взявшейся корягой, Герман вернулся за мной и своим горбом. От тяжелой работы от него шел пар. Густая борода его и разлапистые ресницы на морозе сплошь покрылись инеем, таявшим от горячего дыхания лишь вокруг рта и широченных ноздрей. Тогда я плохо осознавал, на какой шаг пошел он ради меня. Морозы стояли страшные, а егерь при этом отдал мне свой полушубок, оставаясь лишь в своей второй пятнистой шкуре. Поистине, он обладал нечеловеческой силой и отменным здоровьем. Но, как я увидел впоследствии, и у его силы был предел.

Егерь вволок в импровизированную берлогу сперва меня, а затем и свой скарб, нагреб ко входу снега и практиче-

ски замуровал нас, оставив лишь небольшое вентиляционное окошко. Затем он достал из своего горба уже знакомый мне парящий шар и подвесил его в воздухе. Шар осветил тесноту берлоги и начал излучать долгожданное тепло. Я огляделся. По всему было видно, что это место егерь уже не единожды использовал в качестве укрытия. Своды берлоги покрывала прочная корка льда. Кое-где свисали сосульки, под самой крупной из них стояла маленькая миска. Шар быстро нагрел воздух нашего небольшого убежища, и свод берлоги, немного подтаяв, начал наполнять миску водой. Ветки вдоль массивного ствола ели были обрублены, их егерь использовал как настил. Меня он отнес к самому стволу и сунул в руки пустую бутыль.

– Нужду справить, – пояснил он, поймав на себе мой вопросительный взгляд, и уточнил на всякий случай. – Ты же понимаешь мою речь?

Я кивнул.

– Почему же тогда не говоришь? – поинтересовался егерь, разворачивая какой-то продолговатый сверток, припрятанный в другом конце берлоги. Я ничего не ответил. Собственно, я тогда и не мог ничего ответить. Я действительно понимал язык сотрапезников, мог уловить не только смысл отдельных слов и фраз, но и интонацию, с которой они произносились. Это устраивало моих хозяев – можно было приказывать голосом, как собаке, но скорее было исключением из правил. Сама речь была прерогативой людей, их гордостью и

отличительной чертой. Скоту разговаривать строжайше запрещалось. Любые попытки воспроизвести звуки или слова жестоко пресекались. Некоторым моим сородичам за неповиновение даже языки отрубали.

Несмотря на явное физическое сходство, в культурном смысле между скотом и сотрапезниками была пропасть. И, естественно, сотрапезники делали все возможное, чтобы эта пропасть ширилась. Выловленные в Пустоши еще детенышами и заключенные в хлевах кореллы – так нас называли сотрапезники – лишались возможности учиться языку. Единственный понятный им язык был язык силы. В неволе они быстро забывали все свои навыки и умения, которыми успевали овладеть в племенах, разбросанных по всей необъятной Пустоши. О кореллах же, рожденных в неволе, и говорить было нечего. Их быстро отнимали от кормилиц, не держали долго в одном месте, и век их был не долог. Как только они хирели и переставали приносить клану пользу как работники, их забивали на мясо. Редкий корелл доживал до пятнадцати зим.

Из моих воспоминаний меня вытянул звонкий лязг какого-то странного приспособления. Егерь методично кормил странную железную палку золотыми рубаями. Раньше я думал, что это деньги. На них сотрапезники обычно покупали необходимые вещи на менах. За них же продавали мед и скот. О том, что рубали можно использовать как-то иначе, я не знал. Пока я размышлял о прошлом, замороженный мяг-

ким светом чудо-шара, парящего под сводом берлоги, егерь успел натопить воды для питья и сотворить еды. Из своего необъятного горба он достал пару сухих лепешек, напоминающих тот самый хлеб, которым угощал меня в хлеву, и протянул одну мне. Преисполненный благодарности, я позволил своему Жию насытиться. Затем егерь бросил в миску с талой водой небольшой камень, и вода, словно по волшебству, закипела и изменила цвет. Запахло кухней. Егерь протянул мне миску:

– Пей, последыш.

Я отхлебнул горячего и с удивлением обнаружил, что вкусная жидкость, помимо жажды, утоляет и неумную страсть Жию. Мне хватило нескольких маленьких глотков, чтобы наесться от пуза. Егерь улыбнулся. Отложив в сторону свою корявую железную палку, он забрал у меня питье.

– Теперь спи, – сказал он, тоже отпивая из миски, – завтра тяжелый день.

Он укутал меня в свой полушубок и притушил парящий шар до тусклого уголька. Затем, отвернувшись к своему горбу, он достал какого-то черного идола, положил перед собой и стал бормотать в него непонятные мне слова:

– Мэйдэй! Мэйдэй! «Е-1» на связи, прием. Мэйдэй! Мэйдэй! «Ермак», как слышно? «Е-1» на связи, прием!

«Молится», – решил я и, потеряв к этому занятию егеря всякий интерес, постарался провалиться в чернь.

Скоту верить в богов было не положено. Об их существо-

вании я знал лишь благодаря жизни в доме у хозяев. Мои сородичи в хлеву и знать не знали об этой стороне бытия. Второстепенных богов у сотрапезников было много, и каждый отвечал за определенную людскую слабость. Сотрапезники не могли договориться между собой, какому из них следует молиться чаще, поскольку, в зависимости от ситуации, каждый локальный бог мог как даровать свою милость, так и погубить слабого человека. Каждый из сотрапезников имел право отдавать свое предпочтение тому, кому считал нужным. Кто-то чаще поклонялся богу страха – могучему Лаогу. Разум иных был всецело поглощен богом похоти – Эрогом. Слабые и немощные видели смысл своего существования в поклонении Деору – богу боли. Но подавляющее большинство сотрапезников сходились во мнении, что над всеми богами верховодит один, самый грозный и самый сильный. То был бог голода – великий Жии. К нему ежедневно обращались все сотрапезники. Ему поклонялись перед каждой трапезой, его молили сжалиться, когда не ладилась охота или земля не рожала урожай. Его боялись все, поскольку считалось, что Жии был родителем остальных богов. Конечно, остальные боги были не менее жестоки, но суровее всех был все же именно Жии. Он жил в каждом живом существе. По его милости сотрапезники вымирали целыми кланами. Даже грозный Деор не мог похвастать такой кровожадностью. Жии боялись и Жии любили. Его восхваляли за каждый прожитый день и благодарили за каждую крошку во рту.

Ночью я проснулся по малой нужде. Шар перестал светить вовсе, и тьма стояла кромешная. Начало тянуть холодом. Не отойдя еще от черни, я не сразу понял, что в нашей берлоге я остался один. Только я наполнил бутыль, что с вечера дал мне егерь, как где-то неподалеку тоскливо воззвал к луне волк. У меня сердце в пятки ушло. Я и раньше слышал, как воют волки, но чтобы так близко — никогда. Чернь как рукой сняло. Через мгновение с другой стороны ему ответил еще один зверь, совсем близко от нас, судя по звуку. Я замер, боясь издать лишний шорох. Воцарилась такая звенящая тишина, что было слышно, как колотится в груди и рвется наружу, раздирая нутро, мой Лаог. Я попытался дотянуться до егеря, чтобы разбудить, но, как бы ни тянулся, нащупать его не мог. Наконец я набрался храбрости и одним махом прополз все расстояние от ствола до выхода из берлоги в надежде наткнуться на своего спящего спутника. Руки ухватили лишь пустоту. Не припомню, чтобы когда-либо боялся сильнее. В берлоге, кроме меня, никого не было. Егерь ушел. Из оцепенения меня вывел очередной волчий вой, уже совсем близко. Я отполз обратно к стволу и, закутавшись в егерский тулуп, стал прислушиваться.

Доводилось ли вам когда-либо слышать, как дышит волк, увлеченный охотой и раззадоренный близостью жертвы? Сначала я услышал именно это — частое и хриплое дыхание вперемешку с нетерпеливым скулежом зверя. Затем послышались и его скорые, семенящие шаги по скрипучему сне-

гу. У самого входа в мое убежище волк остановился и стал принюхиваться. На мгновение повисла грозная тишина. Но тут зверь почуял, что совсем близко, буквально перед его носом умирает от страха легкая добыча. Рыча и поскуливая от нетерпения, волк принялся яростно откапывать вход в берлогу. За эти сутки я третий раз кряду попрощался с жизнью.

Глава 4 – Конь.

Я готов был поклясться, что, когда мы остановились на ночлег, на небе не было ни единого признака надвигающейся непогоды. Однако стоило только разъяренному зверю ввалиться в берлогу, как сквозь тонкий свод льда я увидел всполох молнии. Следом за вспышкой раздался оглушительный раскат грома. У меня заложило уши. Через секунду вязкая глухота сменилась веселым звоном. Казалось, молния ударила прямо в ель, под которой мы ночевали, но будь оно так, замертво в берлогу свалился бы я, а не хищник. Огромная вонючая туша зверя рухнула прямо передо мной, придавив мои ноги. Остро запахло кровью. Я ощупал себя, но обнаружил, что остался невредим. Не в силах от испуга мыслить рационально, я не сразу сообразил, что зимой гроз не бывает, во всяком случае, я видел их лишь в теплые луны. Хотя, признаться, на тот момент эта информация не была для меня принципиальной. Молния поразила волка, который пытался сожрать меня. К чему было протестовать против такого решения природы? Я только за.

Спустя минуту звон в ушах унялся, и в абсолютной тишине я смог различить скрип снега. Кто-то приближался. Я узнал шаги егеря. Герман вновь предстал передо мной в своей второй светящейся голове – должно быть, надевал он ее лишь в исключительных случаях. В его руках виднелась ко-

рыга, которую он с вечера кормил рубалями. Она почему-то дымилась. Егерь наклонился и, схватив бездыханного волка за задние лапы, вытащил его из нашего убежища. Я высунул голову наружу. Ночь была на излете. Далеко на востоке начинало сереть. Звезды тускнели, еле держась на небосводе, луна же вовсе пропала.

Егерь отволол тушу волка к тракту, снял с пояса нож и одним резким движением распорол зверю брюхо. Затем он выгреб волчьи внутренности прямо на снег. Еще горячее нутро волка парило на морозе, вокруг разнесся сладковатый запах. Возможно, от него, а возможно, и от всей картины в целом меня начало немного мутить. Заметив меня, егерь выкрикнул:

– Я стаю еще днем приметил, пока шли. Этот был самым слабым. У волков так заведено, последыш, – говорил егерь, методично отделяя голову зверя от туловища, – посылают к добыче самого слабого из стаи.

Он наконец рассек позвонки и поднялся во весь рост с головой волка в руках, заглядывая мертвому животному в пасть:

– Вроде как на разведку посылают.

С этими словами он зашвырнул отсеченную голову в ту сторону, откуда мы пришли, внутренности же разбросал вокруг освежеванной туши.

– Из хороших новостей, последыш, – кряхтел егерь, раскладывая кровавые ошметки по периметру. – Стая, что охо-

тится за нами, теперь поостережется нападать. Волки чувствуют силу. А такое, – егерь окинул взглядом кровавую картину, обезобразившую снежную целину, – мог сделать только сильный зверь. Они не отстанут, но и напасть не посмеют. Хотя... – Герман еще раз наклонился к желудку волка и пощупал его, – зима затянулась, дичи в лесу нет. Они голодны.

Я смотрел на эту кровавую картину, не моргая. Ножом егерь орудовал искуснее Курьмы. Наконец Герман закончил изображать побоище. Вытерев свой тесак и умыв снегом руки, он вернулся ко мне.

– Главное, чтобы другие звери не пожаловали. Собирайся, выходим, – коротко скомандовал он и начал укладывать в свой горб тарелку, волшебный шар и своего черного идола.

Начал он с хорошей новости. Вероятно, была и плохая, но озвучивать ее Герман не спешил.

Быстро собравшись, мы вновь вышли на тракт. На этот раз егерь усадил меня в импровизированные сани. Когда только успел смастерить? В берлоге я выспался, и потому меня не укачивало. Весь следующий день мы упорно продвигались на север, следуя бесконечно долгим изгибам тракта. Герман по-прежнему не позволял мне идти пешком – было очевидно, что своим ходом быстро идти я не смогу. В такой одежде (а полушубок егеря укрывал меня с головой) я мог разве что стоять, слегка качаясь, и то не в полный рост, настолько тяжела была егерская одежда.

Герман упрямо двигался вдоль тракта, периодически

останавливаясь, чтобы прислушаться к морозному утру. Дорога по-прежнему уходила на север. Шло время, а для меня картина мира не менялась вовсе. Лес как стоял стеной по обе стороны от тракта, так и оставался стоять. Только егерь различал какие-то вешки, очевидно, оставленные им по пути в курень. Время от времени он начинал говорить, как мне казалось, сам с собой. Судя по тону, отчитывал себя.

– Дурак старый. Кому чего доказал? Мог и пацана забрать, и патроны не отдавать. Что ж ты за тряпка-то такая, а, Герман?

Собственно, именно тогда я и узнал, что егеря зовут Германом. Позже я также узнал, что он частенько общается сам с собой. Сказывалось его профессиональное прошлое. Но тогда мне эта его манера поведения показалась странной. Сам я не видел, чтобы кто-либо из сотрапезников водил беседы со своим я. Максимум в обращении к богам, ну, или если выругаться нужно было. Герман же все происходящее комментировал вслух, словно диктовал для кого-то. Частенько такие беседы были направлены на тех, кто окружал его. Так он указывал своим спутникам на их ошибки, не прибегая к обращению к конкретным людям. Но все это я узнал много позже. А тогда, укутанный в его полушубок, я просто ехал в санях и дивился его выносливости.

– Зря стрелял! – пенял он сам себе, тяжело дыша. – Могли услышать как те, так и эти. И эти наверняка слышали, коли погоня.

Егерь внезапно остановился и, обернувшись, обратился уже ко мне:

– Сколько в доме винтовок?

Я не понял вопроса. Мне было неизвестно это слово – «винтовка».

Герман не унимался:

– Винтовка? Автомат? Ружье? Должно же у Курьмы быть оружие! Сколько у него стволов?

Я лишь беспомощно хлопал глазами. Герман же, наконец сообразив, снял со спины свою корявую железную палку и показал её мне.

– Это – винтовка. Она стреляет. У Курьмы есть такие же?

Корявую палку я видел впервые, поэтому смело замотал головой. В курене я таких палок ни у кого не видел. Хотя, если разобраться, я мало что видел в курене на тот момент. Жизнь моя протекала в основном в хлеву. А чего там увидишь особенного? В поля меня не брали, поскольку мал еще был, а из дома выгнали две зимы назад. Несколько раз я видел, как сотрапезники уходили на охоту. Обычно они собирались несколькими избами, грузили все необходимое в сани или подводу и уходили в Пустошь на несколько недель. Если Великий Жии был благосклонен, они привозили мертвую животину, уже освежеванную и засоленную. А еще с охоты они пригоняли скот. Нагие, грязные, обросшие, со связанными руками, мои плененные сородичи медленно входили в курень цепью по три-четыре особи, плетясь между двумя под-

водами. Зимой скот не попадался. Говорят, прятался в своих норах. Потому зимой охотиться почти не ходили. Курень питался запасами с лета и приобретенным на теплых менах зерном. Как происходила сама охота, я не знал. Не знал также, где сотрапезники искали дичь и чем ее убивали. По сути, эта информация была для моих сородичей под таким же запретом, как и речь.

– Хорошо, коли так, – задумчиво ответил егерь, вновь впрягаясь в сани.

Весь оставшийся световой день мы плелись молча. Оставались лишь попить и справить нужду. Уже темнело, когда егерь впервые остановился передохнуть. Я довольно сильно замерз без движения, хотя первые часы нашего пути холода совсем не чувствовал. Герман подошел к саням, где я лежал в обнимку с горбом. Достал из него свой волшебный шар и, посмотрев на него с досадой, сунул обратно. Он взглянул на меня, и в глазах его я прочел некое подобие тревоги.

– Замерз?

Я кивнул в ответ и, словно дав тем самым волю холоду, затрясся. Холод проникал всюду и, как ни кутался я в огромный егерский тулуп, он находил меня и заставлял дрожать еще сильнее. Егерь тем временем, сойдя с тракта, уже вовсю работал по пояс в сугробе. Закончив свою работу, он вернулся к саням и, вытащив из-под меня плотную ткань, что прихватил с собой из берлоги, устлал ею пол нашего ново-

го укрытия. Завершив обустройство нашей стоянки, он вволок меня и свой горб в свежевырытую снежную нору. Затем он привалил ко входу наши импровизированные сани, а сам устроился поудобнее. К тому времени от холода я уже не чувствовал ни рук своих, ни ног. Герман вытащил из горба вторую голову и надел ее на себя. Она тут же начала светиться приятным белым светом, который, впрочем, не давал никакого тепла. Оглядевшись в тесной берлоге так, словно высматривает что-то за ее пределами, он вновь снял с себя голову и достал своего черного идола. На этот раз он молился своим богам более истово. Выкрикивал свое страстное «мэй-дэй» так, словно от этого зависело качество молитвы. Просил выслать нам помощь, доказывал глухим богам своим, что у него больше нет какой-то энергии. Затем он несколько раз повторил какие-то непонятные мне слова, назвав их «координаты», и улегся спать. Несмотря на отчаянные попытки егеря докричаться до своих богов, те не спешили с помощью.

Есть в этот вечер егерь мне не дал. Мой Жиин скулил, мешая заснуть. Ему вторил холод, который, несмотря на укрытие и егерский тулуп, все же проникал во все складки и щели, вытягивая из меня последние силы. В какой-то момент Герман протянул ко мне руку и, нащупав своей горячей ладонью мои заледеневшие ступни, ахнул в голос. Он тут же сдернул с меня свой тулуп и притянул к себе. Одной рукой он прижимал меня к своей горячей груди, другой шарил в своем горбу. Достав из него свою вторую голову, Герман надел

ее на меня. Она была мне велика, но, как только я очутился внутри, мир вокруг резко преобразился. Слабо загудело в ушах, перед глазами появилось зеленоватое изображение лица егеря. Тот смотрел на меня с тоской в глазах, стараясь плотнее прижать меня к себе, попутно укрываясь тулупом. В его жарких объятиях я стал понемногу отогреваться. Сначала мне показалось, что егерь сам по себе такой горячий, но потом явственно ощутил разницу температур между его ладонями и грудью. Руки его были гораздо прохладнее. Вторая кожа его явно грелась сама по себе. Вот почему егерь мог проводить весь день на лютom морозе без тулупа и без второй своей головы. Впрочем, сейчас это открытие меня не сильно взволновало.

От холода соображал я туго, но, отогреваясь, стал понемногу проваливаться в чернь. Разглядывая сквозь сон маленькие зеленые полосы, бегающие перед глазами, я задумался над тем, а кем же был этот егерь? Он выглядел, как сотрапезник, но при этом не походил на них ничем, кроме внешности. Его боги, его магия, его повадки и речь – все говорило о том, что Герман не мог принадлежать к их числу. О том же говорила и лютая ненависть к нему Курьмы: соплеменников не пытаются убить при первом же удобном случае.

Маленькие зеленые полосы, за которыми я наблюдал сквозь сон, складывались из бесконечного числа маленьких символов. Некоторые повторялись чаще других, иные реже. Слева и справа были нарисованы контуры двух сотра-

пезников. Один из них был с изображением молнии на груди, другой с изображением перекрещивающихся полосок. Оба изображения были покрашены ярко красным до колен и пульсировали, словно предупреждая о чем-то тревожном.

Ближе к утру я проснулся от резкого звука. Голова егеря протяжно верещала, а изображение того сотрапезника, что был с молнией на груди, отчаянно пульсировало, покрашенное красным лишь до ступней. Я задергался, и егерь проснулся. Он быстро сдернул с меня свою голову и надел ее на себя. Вдруг звук стих, и голова погасла. Герман приподнялся на локтях и выругался, снимая ее с себя.

– Плохо дело, малыш, – сказал он хриплым со сна голосом. – Батарея сдохла.

Я не понял, кто именно умер, поскольку в сугробе, кроме нас двоих, больше никого не было. Может, ему приснилось?

– Автономки скафандра хватит еще на день перехода. Придется силовое поле отключить. Всю энергию на обогрев пустим. А дальше...

Он опять выругался. Затем, немного помолчав, ощупал меня.

– Согрелся? Ладно, пора выдвигаться. Скоро светает.

Сани мы бросили. Егерь уже не мог оставить меня в них, пусть даже и укутанного в тулуп. Стоя на коленях в нашем сугробе, он взвалил себе на плечи свой тяжеленный горб, а меня обвязал ремнями таким образом, чтобы я висел на нем спереди, плотно прижатый к его телу. Сверху он укрыл меня

все тем же тулупом, взял в руки свою корявую палку, и мы выдвинулись в дорогу.

– Замерзнешь, – объяснял егерь свои манипуляции, когда привязывал меня к себе. – На санях никак нельзя. Вчера тебя всю дорогу ИКАС берег, пока заряд не иссяк.

Я уставился на него непонимающим взглядом.

– ИКАС – индивидуальный комплекс автономного существования, – пояснил Герман, но, видя, что понятнее мне не стало, поднатужился и разжевал еще сильнее. – Ну, шар этот летающий! Понял теперь?

Я кивнул.

– Ох, и заварил же я кашу с тобой, последыш, – жаловался Герман в пути. – Один бы я дошел уже. А с тобой, эээх...

Я понимал, что стал серьезной обузой егерю, но совершенно не тревожился по этому поводу. В конце концов, помереть в обществе этого косматого сотрапезника было моим выбором, а вот взять меня с собой – это уже было его идей.

Тем не менее, жалуясь и скрежеща зубами, егерь упрямо шел по снежной целине вперед. Ближе к середине дня вдобавок ко всему прочему начался снегопад. Идти стало совсем тяжело. Мелкий колючий снег полосовал старого егеря по лицу, пришлось надевать холодную голову. Егерь жаловался, что в ней плохо видно дорогу.

– Когда заряд в шлеме на нуле, толку от него, как от козла молока, – пояснял Герман, перекрикивая непогоду.

Причем говорил он это, кажется больше Пустоши, нежели

мне, поскольку слова «шлем» и «на нуле» мне ни о чем не говорили. Я уже молчу про его странные попытки подоить козла.

– Но лучше в нем, – продолжал Герман, – хоть от ветра спасает.

Ближе к вечеру я начал замерзать. Было очевидно, что и костюм Германа перестал делиться своим теплом. Теперь единственным источником тепла для меня служил сам егерь. Я понимал, что, возможно, это наш конец. Не страшился его, нет. Но стало как-то совестно. Собственно, егерь не был мне ничем обязан. Почему же он решил погубить себя, взяв меня с собой? Мой маленький и скудный разум тогда не мог понять мотивов Германа. Каждый его шаг, казалось, был продиктован лишь одной идеей – спасти меня. Но за зимы своего прозябания в курене я настолько привык к мысли о ничтожности собственной жизни, что жертва богоподобного егеря мне казалась бессмысленной, глупой и абсолютно неестественной.

Чем сильнее я замерзал, тем сильнее мутился мой разум. Мне стали чудиться звуки, которых здесь быть не могло. Я слышал далекое ржание Горячего Грома – хозяйского коня. Но откуда ему тут взяться? Странное чувство овладело мной. Я понимал, что Гром мне мерещится, отдавал себе отчет, что ржание мне снится, но при этом чувствовал, что все осознаю. Может, егерь был прав? Может, я и впрямь – человек? Лицо мое озарила озорная улыбка. Мне подумалось,

а что, если напоследок попробовать сказать вслух какое-нибудь слово? Я сам для себя решил, что если выговорю слово «конь», то умру с чистой совестью. Умру – человеком. Я вновь услышал ржание и, уже убежденный, что задумка моя имеет какой-то смысл, стал тренироваться. В голове я держал много слов сотрапезников. Знал, как они звучат, сотню раз их слышал и даже тайком пытался их повторить, когда никого рядом не было. Но произносить вслух при сотрапезниках всегда боялся. Сейчас же бояться было некого. Гром вновь заржал где-то в закоулках моей памяти, и я произнес шепотом:

– Кооо-нь.

Не услышав собственного голоса, я повторил попытку:

– Кооо-нь! – уж громче прохрипел мой голос, но все же еще очень слабо. Воодушевленный удачными попытками – на мой взгляд, получалось убедительно – я решился на крик. Набрал в грудь воздуха и что есть мочи закричал:

– Кооооонь!

Егерь вдруг остановился. Взглянул на меня, ошарашенный.

– Что ты сказал?

Я был вне себя от радости! Я – человек! Я умею говорить! Меня слышат! В отчаянной попытке доказать в лице егеря всему миру, что я тоже человек, я принялся выкрикивать:

– Кооонь! Кооонь! Коооонь!

Тут егерь резко снял шлем и отбросил его в сторону, затем

присел и зажал мне рот рукой. С минуту мы сидели неподвижно. Плотно прижатый к телу Германа, я слышал, как неистово рвется в его груди сердце. И вдруг – опять ржание! На этот раз я услышал его очень хорошо и, судя по реакции Германа, он услышал то же самое. Он резко бросился с тракта в сторону. Изо всех сил разгребая снег руками, он продирался к стене леса. Меня обдало снегом, но холода я уже не чувствовал. Страх егеря передался и мне. В голове зашумела кровь, и я понял, что егерь не бежит – он убегает.

– Чертов Курьма! – ругался егерь, продираясь через сплошную стену кустарника и молодой поросли к массивным стволам векового леса. – Он все-таки решился на погоню. Ну, давай, гад! Посмотрим, кто кого...

Мы залегли прямо в снег. Сбросив свой горб, егерь накрыл меня своим телом и выставил вперед свою корягу. Что-то щелкнуло. Свободной рукой Герман достал своего черного идола. *«Решил помолиться напоследок»*, – промелькнула в моей голове мысль.

– Мэйдэй! Мэйдэй! «Ермак», ответь Е-первому! Мэйдэй! Энергия на исходе. Меня преследуют. Принимаю бой. Пеленгуйте!

Глава 5 – Бой.

– Ты молодец, малыш. Потерпи малость, – шептал егерь мне на ухо, стараясь сильно не наваливаться. – Времени отвязывать тебя нет. Мы не знаем, сколько их за нами гонится. Коль в такую пургу слышно коня, стало быть, они совсем рядом.

Я не мог пошевелить ни руками, ни ногами – егерь буквально впечатал меня в сугроб. Костюм больше не грел нас, и я чувствовал, как его потряхивает от холода. У меня же от холода просто зуб на зуб не попадал.

Герман выбрал удобную позицию. Укрытые стеной деревьев, мы прятались за широченным поваленным стволом березы. Снегопад с каждой минутой усиливался. Довольно скоро нас и наши следы присыпало снегом, но не заметить глубокую борозду в снежной целине, которую мы оставили, убегая с тракта, было невозможно.

– А вот и гости, – шепнул егерь, приставляя свой палец к губам и давая понять, что нужно повременить с речевыми упражнениями. Я был крепко привязан к Герману и находился спиной к тракту. Именно поэтому о тех событиях могу рассказывать лишь со слов самого Германа, который по своей старой привычке беседовать с корабельным ЦУПом принялся вслух комментировать происходящее.

– Мог бы и догадаться, старый дурак, что Курьма не отпу-

стит тебя просто так, – бубнил себе под нос егерь. – Глянь-ка, целую облаву затеял. Цепью идут. Трое спереди подводы, трое сзади. Всех мужиков из куреня поднял. И у каждого винтовка. Эх, малыш, я же спрашивал... – Герман сплюнул в сторону. – Хотя ты мог и не знать. Они же ссыкливые там все. Они только толпой могут воевать да с винтовками. Да желательно – против вас, безоружных кореллов. Уроды.

По мере приближения группы Курьмы к нашей засаде Егерь пригибался все ниже, утрамбовывая меня в сугроб. Я попытался подать знак, что скоро начну задыхаться, но Герман рукой-ледышкой мне рот нащупал и зажал так сильно, что стало больно. Я терпел. Напряжение в воздухе висело нешуточное.

– Сейчас шлем увидят, – шепнул егерь и отпустил мне рот, ухватившись поудобнее за свою железную корягу. Как у него только руки к ней не примерзли на морозе? Она же на холоде обжигает. Пока шли, я пару раз приложился к ней, так, из любопытства, потом жалел.

Я лежал ни жив ни мертв. В курене ходили слухи, что егерей невозможно убить. Что они обладают такой магией, которая хранит их, даже когда те спят. Собственно, я сам тому был свидетелем. А их оружие по слухам было столь мощным, что один егерь мог запросто справиться со всем куренем. Хоть с вилами на него выходи, хоть с топором.

«Вскинет егерь руку, брызнет из нее свет, – брехали дети в доме, – и нет тебя, одни головешки остались».

Но сейчас мне в это почему-то не верилось – Герман натурально боялся открытого столкновения с сотрапезниками.

– Ага, – шепнул он мне, – заметили шлем. Озираются. Курьма верховодит, кому же еще... Таак, правильно все делаешь, одного вперед – на разведку, двоих назад, чтоб я с тыла к тебе не зашел. Остальные в круговую оборону встали. Смышленный гаденыш. А что у тебя в подвозе, интересно? Ох ты ж, червоточина рукотворная, – присвистнул Герман, – они пулемет приволокли. Представляешь? На тебя, соплю, да на меня в шестеро штыков да с пулеметом. Вот дурень! И это с сотней-то патронов. Вот как знал, нужно было все забирать. Пожалел кореллов, да убогих этих тоже пожалел. Им же по весне охотиться не с чем будет, а до теплых мен еще далеко.

Егерь пригнулся еще ниже, укрываясь за бревном.

– Тут видишь, брат, математика какая, – зачем-то принялся объяснять мне Герман. – У него сто патронов, и у меня после волка девяносто девять осталось. Если он нас грохнет и потратит на это, ну, пускай, до двух третей своих боеприпасов, по любому с моими патронами у них больше окажется. Больше патронов – больше шансов до теплых мен дожить. Даже если у них после боя окажется пять трупов и сто один патрон, они это за успех сочтут. А трупы освежают и сами сожрут. Им, собственно, какая разница-то? Что корелл, что сотрапезник, все едино – мясо. Но это если я сам отстреливаться не буду. А я буду, – подмигнул мне егерь и вновь вы-

сунулся из своего укрытия. — Еще как буду!

Я вообще ничего не понял из сказанного. Патронами он, очевидно, золотые рубали называл. Но вот что за «математика» такая — бог, что ли, какой егерский? Не успел я пораскинуть мозгами, как егерь вновь зашептал:

— Глянь, разведчик возвращается. Ага, руками машет: вперед, мол, нет там следов. Сейчас они следы наши на целине увидят, и понеслась...

Герман вновь пригнулся, так что лишь глаза над бревном торчали да палка его кривая.

— А что, если?.. — подумал он вслух, но не договорил, прильнув к своей палке глазом. — Ага, так и сделаем, малыш. Если так в бой полезем, ну, двоих я уложить успею с такого расстояния, а остальные залягут, доберутся до пулемета и все, хана нам с тобой. Тут, в лесу, — он окинул взглядом Пустошь, — долго не побегаешь. Снега по пояс. А пулемет — дело серьезное. Надо только подгадать время... Ага. В кружок собрались, совещаются. Ну, давай, хватай шлем, Курьма! Ты же себе такой давно хотел. Еще в том году приценивался на менах. А тут валяется прямо на дороге. Настоящий егерский шлем от скафандра! А батарейку зарядишь как-нибудь. Вот, перестанешь людей кушать, читать научишься, физику изобретешь и тут же зарядишь себе шлем. Давай, бери его!

Егерь бубнил непонятные мне слова, видимо, впадая в забытие от холода. Голос его слабел, дыхание становилось все реже. В какой-то момент он даже клюнул головой, но,

уткнувшись мне в макушку, очнулся. Вытер нос ледяной ладонью и вновь прильнул к своей палке.

– Ну же! Ну! Вот. Молодец. Бери его. Озираешься? Правильно, озирайся. Взял? Отлично. Теперь неси его к своим людям. Давай. Ай, молодец. Заткни уши, последыш.

Оглушительный гром ударил мне по барабанным перепонкам. Тело Германа слегка дернулось. Запахло неведомой мне гарью. Герман прильнул ко мне, укрывшись за бревном, и тут же со стороны тракта раздался неимоверной силы грохот. По бревну ударило что-то тяжелое, так, что оно качнулось в нашу сторону. С воем и свистом пронеслись мимо нас какие-то пчелы свистящие. Посеченные ветви начали падать на голову, затем нас накрыла огромная пелена снега, сбитого с макушек деревьев неведомой мне силой, и засыпала с головой. Как только все улеглось, Герман зашевелился, откапываясь, и привстал над своим укрытием.

– Ай да Мария! Ай да умничка! А я протестовал еще... Эх, век живи да век учись! – Герман ликовал. – Взгляни, последыш! Не зря амуницию минировали.

Он встал в полный рост и перемахнул через наше укрытие так, словно я вообще никак не сковывал его движения, и повернулся к тракту боком, чтобы я мог увидеть страшную картину. Посреди тракта виднелась глубокая черная воронка. Подводу разнесло в щепки. В стороне от воронки лежали обезображенные тела сотрапезников. Кто без руки, кто без ноги. Лиц было не разобрать, вместо них – сплошное крова-

вое месиво. Горячий Гром тоже лежал неподалеку. Бедный конь еще дергался и бил передним копытом пустоту перед собой. Его брюхо было вспорото, и на грязный снег вывалилась добрая половина его нутра. Но тут Герман опомнился:

— Ох, чего это я? — он резко закрыл мне глаза рукой. — Ты ж маленький еще.

Я был не против цензуры. Картина открывалась не из приятных.

— Ладно, нужно убираться подобру-поздорову. Сейчас прибегут те двое, — егерь указал в сторону, откуда пришел отряд Курьмы. — Жаль, пулемет не унести — тяжелый, не дойдем с ним.

С этими словами Герман вернулся к бревну, забрал свой горб и быстро пошел к месту взрыва. Но только мы вышли на тракт, как откуда-то из леса, прямо с той позиции, которую мы только что занимали, раздался раскат грома. Егеря что-то сильно толкнуло в спину, и он повалился вперед, впечатывая меня в снег. Но не успел я опомниться, как обнаружил, что Герман уже поднялся на ноги и изо всех сил карабкается в гору, забираясь на тракт. Тут же грянул еще один раскат грома. У моего уха что-то прошуршало и с шипением вонзилось в снег перед нами. Егерь наконец выбрался на более плотный снег тракта и прыгнул напрямик в черную воронку. Аккурат на то место, где несколькими мгновениями ранее погибли четыре сотрапезника.

Он улегся боком, стараясь не задавить меня, болтающе-

гося у него на груди, словно тряпичная кукла, и схватил свою корягу. Я уже понял, что приспособление в его руках каким-то образом плюется огнем и рубаями. Плюется настолько сильно, что может сбить с ног даже такого здорового сотрапезника, как Герман. Я взглянул на него. Лицо егеря было белее снега. В глазах пустота. Зрачки сузились до двух махоньких угольков. Он тяжело дышал.

– Слушай сюда, малыш, – скомандовал он, хрипя мне в лицо. – Я сейчас в шоке. Через минуту-другую мне крышка, если не доберусь до медицинской укладки. Она в рюкзаке, такая желтая коробка с крестом.

Герман показал перекрещенные пальцы.

– Такой знак, понял?

Я кивнул.

– Рюкзак в овраге. Овраг простреливается. Если потеряю сознание, твоя задача лежать смирно, пока те двое не решат, что я мертв, и не подойдут. Как только высунутся, подпустишь их ближе и нажмешь на этот крючок, – Герман показал на загогулину посреди своей коряги. – Направишь винтовку в их сторону и нажмешь на крючок, понял?

Я не понял ничего. Половина произносимых им слов мне была вообще неизвестна, но я все равно кивнул. Его нужно было успокоить. Егерь поглядел на меня как-то странно, с оттяжкой. Потом наклонился и прикоснулся горячим ртом к моему лбу. Никогда не забуду этот жест.

– Умница. Ты просто молодчина. Ты человек! Ты гово-

рить умеешь. Спасти тебя надо...

С этими словами он перевел взгляд в сторону врага. Из леса больше не доносилось ни звука. Сотрапезники затаились, мы тоже. Герман, казалось, внимательно вглядывался в стену из деревьев. Так внимательно, что перестал шевелиться. Лишь редкие, свистящие, хриплые вдохи свидетельствовали о том, что он еще жив.

Вдруг донесся скрип снега, но не из леса, а откуда-то со стороны тракта. Герман не шевельнулся. Я четко расслышал еще один звук, затем еще и еще. Кто-то приближался. Я извернулся так, что мне стала видна часть дороги. Из-за ее изгиба показалась фигурка сотрапезника с такой же, как у Германа, корявой палкой в руках. Пригибаясь к земле как можно ниже, она медленно приближалась к нам. Плеваться рубками приближающийся сотрапезник не спешил, поскольку мы лежали на самом дне воронки. Промаяхнуться при таком раскладе – дорогого стоит. Вместо этого он пытался подойти ближе, занять более выгодную позицию. Егерь по-прежнему не шевелился. Неужели не слышит?

Я испугался и что было силы пихнул его ногой куда придется. Тот встрепенулся, словно ото сна, взглядом нашел мое лицо. Я кивком указал в сторону, откуда надвигалась угроза. Егерь тут же перевалился на другой бок, вывернул руку с корягой в сторону подползающего к нам сотрапезника и нажал на тот самый крючок, который показывал мне. Раздалось оглушительное стрекотание. Тра-та-та-та-та. Сотрапез-

ник всплеснул руками и повалился навзничь.

– Окружить решили, гады, – прокомментировал, Герман. – Ну, все. Теперь один на один!

Он вновь направил свою грозную корягу в сторону леса. По сути, сотрапезнику стоило лишь дожждаться, пока истекающий кровью егерь умрет. Затем добить его и меня и, забрав нашу корягу с рубящими, вернуться в курень. Но, по всей видимости, в силе духа сотрапезник сильно уступал Герману. Так бы мы и валялись в снегу, ожидая неминуемого конца, если бы не его храбрость и сила воли.

Мы пролежали не долго. Все это время Герман глубоко и ритмично дышал, уткнувшись лбом в грязную снежную кашу на дне воронки. Я боялся пошевелиться, поскольку не знал, что именно он делал. Как оказалось – собирался с силами. Взяв себя в руки и направив всю волю на то, чтобы не отключиться в очередной раз, он медленно встал со мной на груди во весь рост. Перехватив свой автомат поудобнее и направив его в сторону, где укрывался последний сотрапезник, он громко выкрикнул:

– Ты видел, что я сделал с мужами твоего куреня, сотрапезник. Ваше оружие бессильно против меня. Я даю тебе и твоему куреню последний шанс. Вот тебе мое слово. Ты медленно выходишь с поднятыми руками на тракт. Я забираю твою винтовку и отпускаю тебя на все четыре стороны. Продолжишь сопротивление – я убью тебя. В курене больше нет мужчин. Ты теперь хозяин. Все теперь – твое. Уходи и правь,

как тебе вздумается. Я тебя не трону. Слово егеря.

В повисшей тишине было слышно, как ложится на поле боя свежий снег. Трясущимися то ли от холода, то ли от страха руками я покрепче обнял Германа. Пальцы у него за спиной увязли в чем-то горячем и липком. Я отнял свои руки и обомлел. Они были в крови, в крови Германа. Егерь же стоял не шелохнувшись, словно каменное изваяние, гордо подняв голову в сторону врага. Ответа не последовало.

– У тебя пять секунд на размышления, – выкрикнул Герман в лес. – Раз! Два! Три!..

– Стой! Не стреляй! – отозвался сотрапезник.

Я узнал его голос. Это был брат Курьмы. Тот самый погорелец, что жил всю зиму в нашем доме.

Видимо, блеф Германа сработал. Не веря своему счастью, пригибаясь к земле и высоко поднимая вверх свою винтовку, сотрапезник вышел перед нами из леса. Скользя и путаясь в полах своей шубы, он выбрался на тракт и медленно подошел к нам, демонстрируя всем своим видом, что более не собирается воевать.

– Ты обещал! – напомнил сотрапезник, медленно опуская винтовку к ногам Германа. Егерь не шелохнулся. Одним взглядом он указал сотрапезнику на ноги.

– Снимай снегоступы. И убирайся прочь!

И тот, быстро сдернув с ног широкие плетеные снегоступы, ушел. Сперва пятясь, видимо, опасаясь выстрела в спину, затем боком, а после и вовсе бросился бежать сломя го-

лову.

Как только враг скрылся за поворотом, Герман издал глухой стон и повалился в снег. Еле дыша, он достал свой нож и обрезал ремни, что связывали нас. Одними губами, чуть слышно он прошептал мне:

– Рюкзак. Укладка.

Я понял, что егерь говорил про свой горб, оставшийся лежать в овраге, и тут же бросился к нему. Несмотря на то, что я оказался практически по пояс в снегу, холода я почти не чувствовал. Босой, в одних штанах, я кое-как добрался до егерского горба. Но тот оказался для меня неподъемным. Как ни пытался я приподнять его, глубоко утопленный в сугробе, он лишь слегка качался, не поддаваясь. Наконец, истратив все силы и изрезав об острый лед ноги в кровь, я решил, что, возможно, сам смогу отыскать ту штуку, о которой говорил Герман. Я раскрыл его горб, благо, он теперь не был ничем защищен, и стал в нем рыться. В снег полетели золотые рубали, волшебный шар, бесполезный егерский идол, но там не было ничего похожего на лекарства. Ничего похожего на то, чем лечил в курене наш шаман. Ни оной настойки с глазом ворона, ни травы-сухоцвета. Вдруг я увидел яркий, словно одуванчик, продолговатый предмет. На его крышке был нарисован силуэт сотрапезника, перечеркнутый двумя палками. Такой же рисунок я вчера видел внутри второй головы Германа. Я схватил эту странную штуку и побежал обратно, скользя и спотыкаясь. Герман лежал на снегу среди

трупов сотрапезников, изо всех сил борясь с желанием отключиться. Увидев меня с нужным ему предметом, он воспрянул духом. Я всунул ему в руки коробку. Негнущимися от холода, белыми, как снег, пальцами Герман открыл ее. В ней лежали две каких-то трубки. Герман вынул их и поочередно с силой ударил себя в ногу каждой.

Я стоял перед егерем босой, раздетый по пояс и наблюдал, как он, закатив глаза, отходит в бесконечную чернь. Я уже не чувствовал ни холода, ни страха. Я просто замерзал на смерть, стоя посреди тракта. Один во всей Пустоши.

Глава 6 – «Ермак».

Как понять, что именно ты видел? Как отделить реальность от вымысла, а сон от яви? И если те образы, которые мы видим порой, являются лишь снами и находятся только в нашей голове, то как именно они туда попадают?

Последнее, что я запомнил перед тем, как надолго впасть в чернь, это страшные конвульсии егеря. Я замерзал, стоя прямо посреди сугроба, не в силах даже упасть. Мне очень хотелось закрыть глаза, но я и этого не мог сделать. Лицо сковала тонкая корка льда, и глаза уже не закрывались. К этому мгновению я уже не чувствовал ни холода, ни боли в отмороженных ступнях. Я просто стоял замерзающим истуканом посреди тракта и наблюдал, как егерь умирает.

Внезапно по второй коже Германа пробежала волна искр, а тело его изогнулось в дугу. Из раны на спине с новой силой заструилась кровь. Герман изгибался под действием неизвестной мне силы еще два или три раза, после чего он сделал самостоятельный вдох и перевернулся на спину.

Затем мое воображение разыгралось не на шутку. Прямо передо мной из-за могучих сосен, обрамлявших широкий тракт, поднимая тучи снега, взлетела огромная птица цвета ясного неба. Этот монстр размером с дом Курьмы ревел сильнее грома в непогоду. На мгновение громадина застыла прямо над нами. Тело обдало жаром, в нос ударил странный

запах гари, подобного которому я раньше не ощущал.

Именно тогда, покидая свой разум, я задумался над тем, что огромная птица не могла быть только плодом моего воображения. Таким картинкам в моей голове просто неоткуда было взяться. Придумать такое сам я не мог в силу своей ограниченности. Единственное, что я знал наверняка – это байки старых сотрапезников о гигантских монстрах, населяющих Пустошь. Выходит, байки – не обман.

С одной стороны, это здорово, что мне довелось увидеть то, о чем другие сотрапезники лишь судачили за чашкой горячего чая, но с другой – обстоятельства, при которых мне довелось узреть это чудо, не сильно радовали. Я не мог ни убежать, ни спрятаться. Мне некому будет передать свой опыт, свои ощущения. Да и кто, собственно, сможет поверить маленькому несмышленому последышу? Взрослые сотрапезники? Их дети? Даже если я и выучусь их языку, всерьез мои слова никто не воспримет. Скорее высекут за то, что посмел своим ртом нечистым вести с ними речи.

Я не понимал, почему меня так сильно занимал вопрос общения с бывшими хозяевами. Мой затухающий разум, похоже, цеплялся за мелочи, стараясь не угаснуть окончательно, но все было тщетно. Сейчас эта огромная птица разнюхает, что к чему, и склюет нас с Германом живьем.

«Ну и хорошо, – обрадовался я, – и замечательно».

Смерти от лап свирепого хищника не чурался даже сам Курьма. В нашем поселении почиталось за честь пасть на

охоте от лап белого демона или в бою с сотрапезниками других кланов. Такая героическая смерть вполне меня устраивала. Тем более, я и так понимал, что замерзаю насмерть. Жаль только, никто не увидит, как маленький последыш уходит в царство черни навсегда. Жаль, что кормилица моя так и не узнает, что ее последыш заговорил перед тем, как погибнуть.

– Где ты откопал этого заморыша? – голоса доносились до меня откуда-то издали, словно я был заперт в какой-то бочке. – Ему же от роду лет пять, он ведь даже не корелл. Они такими маленькими не вылупляются.

Голос принадлежал женщине. Я не совсем понял суть упрека, но женщина говорила с такой жалостью в голосе, что сразу понравилась мне. Во всяком случае, раньше обо мне так ласково никто не отзывался. «Заморыш», – какое прекрасное имя. Хоть бы они меня всегда так называли!

Девушке ответил возбужденный голос Германа:

– Мария, это наш шанс! Ты понимаешь? Это больше, чем корелл из Пустоши – это прямой их отпрыск. Прямое доказательство, что кореллы – разумны! Ко всему прочему, он, похоже, перенял генетику родителей. Иначе замерз бы насмерть давным-давно. Он – лучший представитель человечества на этой планете!

– У нас уже был один шанс вернуться на объект и взять там образцы, но кому-то приспичило потягаться первичными половыми признаками с кнесом, – уже совершенно иным

тоном ответила женщина Герману. – А после доступ в пещеру был заблокирован.

– Мы оба знаем, что обвал пещеры – случайность, – сконфуженно ответил девушке егерь. – Но теперь у нас появился реальный шанс!

– Очнись, Герман! – прошипела девушка. – Что ты хочешь доказать этим дикарям? Мы уже год бьемся над этим, а результатов – чуть!

– Мы ничего не можем доказать только потому, что персонала на объекте нет! Помнишь, что сказал Оан? Нет персонала, нет и возможности обучать кореллов. Они потому и попадали в Пустошь такими дикарями.

– Я бы не спешила верить каждому встречному поперечному инопланетянину!

– С его точки зрения, инопланетяне – мы, – возразил егерь. – И потом, мы знаем Оана уже больше года, и за все это время он ни разу не заставил в себе усомниться. Единственное, в чем он виноват – это в принадлежности к расе, профукавшей свою планету.

– Обе наши расы хороши, – фыркнула девушка. – Потерять одну планету – это уметь надо, а просрать, не сговариваясь, сразу два мира...

– ...Это уже мастерство, – подключился к разговору третий голос.

Девушка, очевидно, решила привлечь на свою сторону новенького:

– Егор, ты только послушай, что задумал наш старый доктор.

– Не называй меня так! – грозно оборвал ее Герман. – Я же просил!

Даже с закрытыми глазами я понял, что Герман поморщился от такого обращения девушки.

– Извини.

Подошедший к нам мужчина, которого Мария назвала Егором, решил разрядить обстановку и примирительно сказал:

– Думаю, в данный момент правда на стороне Германа.

– С чего ты это взял? – запротестовала Мария, но Егор ее перебил:

– Судя по тому, как прислушивается этот заяц к вашему разговору, он действительно что-то понимает.

Все трое замолчали, и я понял, что они смотрят на меня. Скрываться смысла уже не было, и я медленно открыл глаза.

– Ну, а я что говорил? – торжествующе заявил молодой мужчина без одной руки – один рукав на его одежде был ушит по локоть. Я перевел свой взгляд с него на девушку. Какая же она была красивая, эта Мария. Не зря ее голос меня так привлек. Рядом стоял Герман. На его бородатом лице сияла ликующая улыбка:

– Доброе утро, последыш! – подмигнул мне егерь.

На мой взгляд, «заморыш» звучало куда лучше, но я не привык выбирать. Как называют, так и называют. Я кивнул и

попытался встать, но сильно ударился лбом обо что-то твердое, так что аж искры из глаз посыпались!

— Да чтоб тебя! — выругался однорукий. — Пацан, ты чего?!

Герман куда-то отошел. Через секунду воздух передо мной с тихим шипением поплыл. Сперва я решил, что просто сильно приложился головой, и плывущий воздух мне мерещится, но потом понял, что лежал в какой-то прозрачной бочке. Бочка почти вся была из стекла такой чистоты, какой и льда-то на реке не встретишь. А в доме Курьмы таких прозрачных стекол и вовсе отродясь не было.

— Давай помогу, — с нежностью в голосе сказала Мария и, осторожно подхватив меня под мышки, легко вынула из кровати, на которой я лежал.

У меня чуть-чуть кружилась голова. Помещение, в котором мы находились, немного давило — потолки были довольно низкими. Яркий свет, льющийся прямо с потолка, освещал всю комнату и слепил. У нас в домах было только свечное освещение, а в хлеву вообще лишь очаг служил источником света.

— Ну как, нравится? — спросил меня егерь.

Я кивнул, оглядываясь. В помещении было много мягких табуретов со спинками. Поместились бы две-три избы с детьми, и каждый бы сидел. Не дом, а сказка. Я только не понимал, куда они по нужде ходят. А вопрос был достаточно актуальным, поскольку лежал я в черни, видимо, долго, и было уже невтерпез.

Как мог, я изобразил, что должен сходить по нужде, и егерь несколько сконфуженно принялся показывать мне свою избу.

Да, жили егеря припеваючи. Сам великий кнес позавидовал бы. Огромное количество прозрачных окон формы полыньи, мягкие табуреты со спинками. Перед некоторыми табуретами столики, за которыми можно было поклоняться Жии. Герман показал мне, где прямо из стены можно было добыть холодную и горячую воду. Видимо, снег они топили заранее, догадался я, и вода, должно быть, находилась в кувшинах за стенкой.

Затем Герман показал сам нужник. Случись мне оказаться в этом месте одному, ни за что бы не поверил, что в этой красивой скороварке не еду готовят, а нужду в неё справляют.

После того как я оправился, егерь некоторое время за чем-то удерживал мои руки под приятным синим светом, струившимся в нише на стене рядом с нужником.

– Дезинфекция, – сурово произнес он. – Делай так всякий раз, как ходишь сюда. Этот прибор называется клинер – убивает все бактерии.

Я кивнул, хотя не понял ни слова, но уже в следующий миг забыл все, что мне говорил Герман. Я вдруг обратил внимание на свои руки. С минуту разглядывал пальцы и кисти. Вертел руками, задирали их кверху и старался разглядеть локти. Вся кожа была белой. Меня словно вымачивали в бочке

с белокочанной капустой несколько лун. Заглянул и в портки, в которые, должно быть, меня вырядили, пока я спал. Там тоже все сияло чистотой и даже благоухало. Ноги мои, с рождения не знавшие щёлока и щётки, сияли так, словно я только что родился. Ступни разглядеть я не мог, поскольку они сейчас были обтянуты какой-то белой тканью. Таки-ми чистыми кореллы были лишь в первый день после своего рождения. Ровно до того момента, пока мать не перегрызала им пуповину и не укладывала в грязь рядом с собой, чтобы дать вымя.

Я вертелся, как уж на горячем камне, разглядывая свою белоснежную кожу, а Герман с другими егерями хохотали во весь голос, предлагая вывернуться и посмотреть на мой зад, который, по словам однорукого, Мария отмывала с особой жестокостью.

Но вдруг я увидел в стене нечто странное. Оно появилось передо мной на мгновение, а затем пропало. Я перестал вертеться и вновь развернулся. Медленно повторяя все свои предыдущие действия, я наконец увидел то, что меня насторожило. В стене сразу за клинером я увидел еще одно окно, правда, теперь через него нельзя было рассмотреть Пустошь. Окно вело в соседнее помещение, где собрались другие егерь. Но самое странное, что перед ними стоял и смотрел прямо мне в глаза еще один последыш, правда, этот был полностью без волос на голове.

«Неужели они сюда всех последышей забирают?» – поду-

малось мне, но после я отказался от этой мысли, поскольку лысый щуплый паренек так же, как и я, был удивлен такой встрече. Нет, это не мог быть последыш. Слишком уж сильно он был похож на настоящего ребенка-сотрапезника. Лысый паренек медленно приближался, вглядываясь в мое лицо. Я тоже смотрел на него, и мне даже показалось, что мы когда-то были знакомы. Он так же, как и я, был одет в чистое и имел белую кожу. Он даже был одного со мной роста, правда, на его голове совсем не было волос. Я попытался провести по своей голове рукой и убедиться в том, что мои волосы все еще при мне. Ребенок напротив сделал то же самое. Но лишь только моя рука дотронулась до гладко выбритой головы, я вскрикнул. Вскрикнул и отпрыгнул в сторону и тот, другой. Отпрыгнул, совсем как я, и замер.

– Ну, все, – примирительно сказала Мария, расталкивая своих соратников. – Хватит над парнем издеваться. Он же никогда не видел себя в отражении.

Девушка подошла и встала рядом со мной на колени. Это же проделала и та, другая женщина в окне. Я испуганно заморгал, когда сообразил, что та девушка и Мария были похожи, как сестры.

– Успокойся, малыш, – ласково сказала Мария. – Это всего лишь зеркало, простое стекло, только показывает оно не то, что снаружи, а то, что перед ним. Видишь?

Она медленно подняла руку, и та, другая Мария повторила за ней. Я также поднял руку, и тот, другой последыш тоже

поднял свою.

– Ты, парень, главное – ничего не бойся, – весело подмигнул мне однорукий егерь. – Тут ты будешь каждый день видеть странные вещи.

К нам с Марией подошел и Герман:

– Да, дружок, тебе первое время трудновато будет. Просто ничего не трогай, ходи, изучай. Спрашивай, если что...

– Спрашивай? – удивилась Мария. – Так он что, говорит?

Герман аж подскочил:

– Точно, так вы же ничего не знаете! Еще как говорит!

– Откуда ж нам знать, если тебя мы электрошоком с того света вытаскивали, а этого изо льда выковыривали. Вы оба два дня каждый в своей капсуле размораживались, – отозвалась девушка.

Я только сейчас обратил внимание, что Герман находился точно в таком же одеянии, как и я, только брить его не стали. Герман, словно прочитав мои мысли, приподнял свою белую одежду чуть выше пояса, и я увидел на его спине большую пропитанную кровью повязку.

– Да, парень, чирканули знатно, – словно похвастался он. – А ну-ка, скажи, как тебя зовут? Покажи этим невеждам, кто у нас тут сам, без посторонней помощи, говорить научился?

Я не сразу понял, что именно от меня хочет егерь, но тот показал жестом, что нужно говорить, и вновь спросил:

– Ну, давай, как зовут тебя?

Я обрадовался тому, что в их присутствии можно говорить, и как на духу выпалил уже натренированное:

– Кооонь!

Повисла тишина, а затем однорукий егерь прокомментировал:

– Ну, не лошадь же... Конь – уже неплохо.

Все весело засмеялись. Герман потрепал меня по голове и сказал всем:

– Ну да, разговаривать он еще не способен. Словарный запас хромает. Но он однозначно понимает обращенную к нему речь. А при случае, думаю, и повторить сможет. Мы с ним живы только благодаря тому, что он услышал в Пустоши ржание коня и выкрикнул это слово несколько раз. А это доказывает, что при определенных условиях корелл обучаем. А значит...

– Да ничего это не значит, Герман, – печально выдохнула Мария. – Сотрапезники и без нас это знают. Стали бы они тогда тотальный запрет на изучение речи вводить для кореллов.

– Тут главное – прецедент, – возразил Егор. – Покажем парня сочувствующим, получим отклик, а там, глядишь, и с мертвой точки дело сдвинется.

– Сочувствующих сотрапезников меньшинство, – возразила Мария.

– Но это не значит, – ответил ей Герман, – что это меньшинство не мечтает прибрать власть к своим рукам.

– Они не многим лучше остальных, – фыркнула девушка.

– Да, рабов они тоже держат, – согласился Герман. – Но, во всяком случае, они их не едят.

– Ну, или говорят, что не едят.

– В любом случае у нас сейчас есть более насущные проблемы, – отрезала Мария.

– Согласен, – встал со своего места Егор. – У нас опять топливный кризис назревает. Мы на этой неделе сожгли полбака. Хорошо хоть твой коммуникатор вышел на связь, а то мы и не знали бы, куда лететь за тобой.

Герман потупил взгляд:

– Согласен, моя вина, – виновато ответил он. – Заигрался я в егеря, прозевал точку невозврата. Просто на пассажира не рассчитывал. Так бы дотянул до базы.

– Ладно, – примирительно сказала Мария. – Что ни делается, как говорится... Ты, главное, не заигрывайся больше.

Мария наклонилась ко мне и потрепала по щеке:

– Ну что, полетели домой? Пошли, что покажу, Конь!

Девушка весело взяла меня за руку и потянула куда-то в стену. Как только мы подошли, в стене образовался проход. Сам по себе. Я был просто поражен. Мария тем временем уже прошла внутрь другого помещения и приглашала меня пройти за ней. Я осторожно переступил порог и оказался в небольшом помещении с двумя внушительными табуретами и множеством огоньков. Стен в этом помещении не было совсем. Вместо них – огромный стеклянный купол, несколько

вытянутый вперед. Я медленно приблизился к стеклу и ахнул. Оказалось, что егерский сруб парил высоко над деревьями.

Мария заняла левый табурет и жестом показала забираться на соседний. Я послушно залез и устоял на ней.

– Это «Ермак», – обвела она руками пространство вокруг себя. – Наш орбитальный челнок. Пока сильно не забывай, потом все само собой запомнится. «Ермак» умеет летать, как большая птица.

Я тотчас вспомнил огромную хищную птицу, чуть не сожравшую нас с Германом перед тем, как мы оказались здесь. Получается, мы уже внутри этой огромной птицы? Значит, птица не живая!

– Я пилот «Ермака», – положила себе руку на грудь девушка. – Меня зовут Мария. С Германом ты знаком уже, – к нам подошли Герман и однорукий егерь, – а это наш начальник службы безопасности – майор Ковалев.

Странно, я думал, однорукого зовут Егор. Не может же быть у одного человека два имени? Или у егерей может?

Мария тем временем продолжила:

– Нажми вот эту кнопку.

Девушка очень медленно провела пальцем по боковой стенке табурета, и ее мягко притянуло к креслу. Я проделал то же самое и почувствовал, как невидимая сила мягко, но довольно настойчиво прижимает к табурету и меня.

– Не бойся, – похлопал меня по плечу Герман, – так долж-

но быть.

— А теперь мы полетим вперед! — весело сообщила Мария и начала совершать какие-то манипуляции со светящимися точками перед собой. Грозная птица начала вибрировать, затем раздался протяжный свист, и вся егерская изба пришла в движение. Меня вжало в табурет с такой силой, что трудно было пошевелиться. Лес прямо передо мной замельтешил так быстро, что я не успевал следить за сменой картинки.

Сперва мне стало нечем дышать, затем по всему телу пронесся жар, и я покрылся холодным потом. Мария краем глаза увидела, что со мной творится что-то неладное, и начала останавливать огромную птицу прямо в воздухе. Спустя мгновение из моего рта вылилась вся вода, которую я выпил после посещения нужника. Я посмотрел на обеспокоенное лицо Марии, не знавшей, за что хвататься — то ли за свои огоньки, то ли за последыша, которого непрерывно «полоскало». Наконец птица остановилась окончательно. Я почувствовал, что меня больше ничего не удерживает на табурете, и попытался встать, но не смог. Чернь настигла меня раньше.

Глава 7 – Новый Мечников.

– Он же ни разу не летал! – упрекал Марию Герман. – Самое быстрое средство передвижения за всю его жизнь – мой собственный горб.

– Ну а мне почему было знать? – оправдывалась девушка.

Герман наседал:

– Нас эволюция к высоким скоростям больше пятисот лет приучала. Какой выносливости ты от паренька ждала?

– Я уже поняла, – протянула Мария, отжимая очередную грязную тряпку в импровизированном ведре из разбитого шлема. – Не зуди, Герман. Мне и без того теперь всю приборную панель оттирать. Ой, взгляни, он проснулся! Ты как, ребенок?

Я вертел головой, не понимая, где нахожусь. Судя по всему, меня уложили прямо на том самом табурете, где я и провалился в чернь. Спинка его сейчас была откинута назад, я помещался на ней целиком. Громадная птица уже не двигалась, и я попытался приподняться.

– Тошнит? – спросил Герман.

Я не понял вопроса и уставился на егеря. Тот изобразил рвотные позывы и объяснил понятие:

– Тошнота – это когда хочется выплюнуть весь обед.

Слово «обед» я знал. Как только оно прозвучало, мой Жии издал такой протяжный вой, что все поняли меня без

слов.

– Да он голодный! – сделал вывод Ковалев. – Эх вы, опекуны! Пошли, парень, я тебя накормлю.

Однорукий увел меня в другой конец егерской избы, или птицы (*я еще не определился, как называть летающий дом*), и вытащил из стены какие-то продолговатые палочки с половину локтя длинной. Одну он взял сам, а другую протянул мне.

– Гляди!

С этими словами Ковалев одной рукой согнул свою палку пополам. Он жестом указал на мою палочку. Я понял, что должен сделать то же самое, и сложил пополам свой экземпляр. Тут же в руке стало очень тепло, а в некоторых местах палки даже горячо.

– Ну что, согрелось? Теперь смотри.

Однорукий егерь ловко открутил одними пальцами колпачок на палке и поднес открытый тюбик к носу. Понюхав палку, егерь изобразил наслаждение. Я проделал все в точности, как мне показали, и тут же уловил носом восхитительный запах запеченного мяса. Жии вновь протяжно запел в моем животе и даже немного пихнул меня изнутри, не в силах дожидаться, кода я все-таки приступлю к трапезе.

– А теперь ешь, – весело сказал мне майор.

И я с большим аппетитом укусил палку прямо за бок. Из того бока, где я открутил крышку, тут же брызнула какая-то горячая жижа и попала майору прямо в лицо.

– Твою ж (*непечатно*) за ногу, за левую и за правую!!! – выкрикнул однорукий егерь, вскакивая с места.

Я замер, понимая, что сделал что-то не так. Пахла палочка, конечно, бесподобно, но вкуса я вообще не почувствовал. Даже маленького кусочка не получилось от неё откусить. Однорукий пошел в отхожую комнату, попутно выкрикивая какие-то странные фразы, которых раньше я не слышал ни от Курмы, ни от кого-либо ещё, и вернулся с полотенцем. Тут же за спиной послышался смех Марии:

– Ты аккуратно, при детях-то не выражайся! – девушка подошла к нам и, отобрав у Ковалева его палку, протянула ее мне открытым концом вперед. – Рот открой.

Я послушался, и Мария, всунув конец палки мне в рот, надавила на неё сбоку. Мне на язык упали несколько капель безумно вкусной жижи. Чем-то по консистенции на помой похоже, только без гнилых кусочков и личинок. Я погонял вкуснятину по рту, проглотил её и уставился на Марию глазами, полными слез. Если она не даст мне хотя бы еще глоточек, мой Жиик сожрет меня изнутри. Девушка весело рассмеялась:

– Понравилось?

Я активно закивал головой, и Мария отдала мне все. Представляете? Вообще всю палку отдала!

– Ну что, Егор, – весело произнесла она, – один-один по косякам?

– Предлагаю минимизировать счет, – предложил Герман,

подходя к нам. – Парень как с луны свалился. Ему нужно всё объяснять и показывать – буквально. Он шустрый и смысленый. Быстро все схватывает.

– А как вы хотели? – сказала Мария – Дети...

– Согласен, – проворчал майор, вытирая лицо полотенцем.

Остаток пути я провел, сидя на табурете внутри летающей птицы. В голову меня больше не пускали – похоже, я заблевал весь клюв. Пока летели, Герман больно кольнул меня несколько раз в плечо какой-то палкой.

– Это прививочки, чтобы ты не болел, – пояснил он.

Такие «прививочки» мне регулярно выписывали дети сотрапезников, стреляя в меня из болотных трубочек шипами дерева иглу. Вот уж не думал, что они таким образом заботились обо мне.

Еще егерь дал мне выпить какой-то горькой настойки и пообещал, что больше тошнить не будет. И действительно, хотя в первые минуты полета две съеденных мной палки просились наружу, и даже затемнение салона, устроенное майором, не помогало, – потом тошнота отступила. Я уснул, не найдя, чем заняться.

Как долго мы были в пути, я не понял. Очнулся, когда внутри птицы уже ничего не свистело, а саму ее перестало трясти. Вокруг сновали незнакомые люди, судя по одежде, тоже егеря. Они выносили из головы в хвост какие-то коробки и неизвестные мне егерские штуки. Интересно, а сколько

всего в Пустоши егерей?

Один из них, по виду, самый молодой, остановился рядом со мной и присел на корточки. Весело подмигнув мне, спросил:

– Что, будешь новым членом экипажа? Как вы парня-то назвали? – последнюю фразу он выкрикнул куда-то в голову птицы.

Ему ответила Мария:

– Мы не решали еще. Рабочее имя – Конь. Правда, думаю, придется сменить.

Проходящий мимо Ковалев гоготнул, но ничего к этому не добавил. Мне стало обидно, что вариант «заморыш» вообще не стали рассматривать.

– Кооонь? – протянул молодой егерь. – Ну что ж, научу тебя летать, станешь Пегасом! Я – Коля.

Молодой егерь протянул мне руку, и я удивленно уставился на нее. Мне нечего было ему дать.

– Ты поаккуратнее с ним, – предупредил Ковалев, возвращаясь в голову птицы за очередным грузом. – Он все происходящее буквально воспринимает. Нужно все объяснять и показывать. Я пару часов назад по его милости чуть глаза не лишился.

– А что, – прокомментировала слова Ковалева Мария, выглядывая из головы птицы, – руки нет, можно было бы и глаза лишиться, для симметрии. Надели бы черную повязку на тебя, вместо культи крюк бы повесили, был бы у нас звезд-

ным пиратом.

– А ты бы кричала «Пиастры-Пиастры», – парировал Егор и вернулся к разговору с Колей. – С его точки зрения, ты сейчас у него что-то просишь.

– Да нет же! – попытался объяснить мне Коля. – Это мы так здороваемся. Протяни мне руку.

Я сделал, как было велено, и мою руку тут же пожала большая Колина рука.

– Понял?

Я кивнул и получил в ответ ласковую трепку своей лысой головы.

– Ну и молодец.

Коля взял свою ношу и удалился, весело смеясь и комментируя вслух мою сообразительность.

Откуда-то с хвоста птицы меня окликнул голос Германа:

– Последыш, скачи-ка сюда!

Я быстро прибежал на зов и очутился в самом хвосте. Оказалось, что брюхо у крылатой хищницы можно было открывать. Сейчас по нему то вниз, то вверх сновали егеря, переноса какие-то коробки. Колю я уже знал. Герман представил меня остальным:

– Господа, познакомьтесь с новым членом экипажа.

Тут Герман запнулся. Подошла Мария.

– И как ты его назовешь, папочка?

Герман смутился, поскольку только сейчас понял, что так и не придумал мне имя. Над ним подтрунивал Ковалев, ве-

село смеясь:

– Помните, доктор – как коня назовешь, так он и поскачет!

Герман отмахнулся от шутки, рассеянно улыбаясь, но потом, взглянув на меня, спросил:

– Тебя же я нашел?

Я с готовностью кивнул головой, понимая важность момента. Даже на цыпочки привстал, чтобы казаться значимее.

– А я, значит, егерь для ваших. Вот и будешь ты не егерь, а Игорь!

– Назвал бы Егором, – не унимался Ковалев, – в честь меня!

– Вот еще... – буркнул Герман.

– Так и запишем в судовом журнале, – подвела итог Мария. – Новый член экипажа – Игорь Мечников.

Все вокруг начали ударять в ладоши, попутно приветствуя меня ободряющими выкриками. Я не знал, что означает этот шлепающий жест – по всей видимости, что-то очень хорошее, потому что все улыбались. Они все искренне радовались, давая мне, бесправному последышу, настоящее имя! И не абы какое, а самое что ни на есть егерское – двойное. Я не смог сдержать слез и заплакал. Меня тут действительно считали за человека. За равного!

– Ну-ну! – прибодрил меня Герман. – Нечего тут хныкать. Ты теперь член экипажа звездного крейсера «Магеллан». Звание твое будет – юнга! А служивым людям не пристало хныкать. Подобрать сопли, юнга!

Я никак не мог привыкнуть к тому, что не всё, что говорят егеря, нужно понимать буквально, а потому вызвал взрыв просто гомерического хохота экипажа, попытавшись запихнуть все, что вытекло из носа, обратно.

– Да чтоб тебя... – выругался Герман и отвел меня умыться.

Затем Герман вывел меня из птицы по опущенной рампе – так они называли ее открывающееся брюхо. Пройдя по короткому и холодному коридору, стены которого были сделаны, по всей видимости, из какой-то ткани, мы зашли в большой сруб.

Внутри было очень просторно. Свет, струившийся из ярких светильников под самым потолком, заливал все пространство. Сруб состоял из трех комнат и туалета. Одну, самую маленькую комнатку, занимала Мария. В комнате побольше размещались мужчины. Спали на двухэтажных кроватях. Мне Герман отрядил место на втором этаже своей кровати. Третья комната была обставлена какими-то егерскими приборами. В ней я обнаружил много светящихся окон и летающих прямо в воздухе изображений. От всего этого великолепия кружилась голова. Хотелось потрогать буквально каждую вещь, к каждой приобщиться. Герман же вовремя меня одернул:

– Руками ничего не трогать! – строго сказал он. – Мы учить тебя будем всему. Как освоишься, будем задания тебе давать. Но не раньше. Твоя основная задача сейчас – учить-

ся!

Что означает слово «учиться», я знал. Дети сотрапезников часто делали это. Каждое утро они уходили в дом нашего шамана в центре куреня. Возвращались же они ко второму поклонению Жии, и почти каждый из них нес на себе следы учебы у шамана. У кого глаз подбитый, у кого ухо красное, а кого и до черни избивал наш шаман, вбивая в пустые головы детей сотрапезников основы поклонения богам великой Пустоши.

Именно в этой комнате с летающими в воздухе картинками однорукий майор Ковалев и собрал всех егерей.

– Первым делом, – начал он уже без тени улыбки на лице, – хочу представить нашему юнге, Игорю Мечникову, всех присутствующих. Меня ты знаешь – майор Егор Ковалев. Я руковожу всеми наземными операциями нашей группы.

Далее майор указал на Германа:

– Полковник Герман Мечников – начальник медицинской службы и мой первый помощник.

Герман наклонился над моим ухом и буркнул:

– Лекарь я, по-вашему.

Ковалев указал рукой на Марию и представил мне единственную женщину экипажа:

– Майор Мария Веровая. Главный пилот межзвездного крейсера «Магеллан» и руководитель всех наших полетов.

Герман опять наклонился над моим ухом и прошептал:

– Управляет «Ермаком» – той птицей, на которой мы сюда

прилетели. И еще умеет управлять птицей побольше – «Магелланом». Он от нас улетел год назад.

– Её помощники, – продолжал Ковалев, – пилоты-механики лейтенанты Коля Болотов и Саша Репей.

Я ткнул на коридор, ведущий к «Ермаку», и Герман подтвердил:

– Да, пилоты умеют управлять «Ермаком» и постоянно в нем что-то чинят.

– И, наконец, самый новый наш член экипажа, – представил Ковалев красивого молчаливого мужчину, сидящего в дальнем конце комнаты за светящимся окном, – Оан Юэн. Представитель коренного народа этой версии Земли. От наших званий Оан отказался, поэтому все обращаются к нему просто по имени. Оан провел в гибернационном сне в заполярье больше ста лет. Весь его экипаж бесследно пропал, а потому, так же как и мы, он плохо ориентируется в текущем положении дел на планете.

Оан привстал на секунду, кивнул мне и вновь уселся за свой светящийся квадрат.

– Оан по специальности техник и хорошо разбирается в компьютерных системах и кодах своей расы. Так что он у нас главный специалист по работе с «объектом» или, как его называет сам Оан, – с «Колыбелью».

Я не понял, что это за «объект» такой, и Герман, уловив мой интерес, вновь пояснил мне:

– Это место, которое осталось после развитой цивилиза-

ции, жившей на этой планете до вас. Потом объясню подробнее. Слушай.

Ковалев терпеливо дождался, когда Герман объяснит мне сложные понятия, и продолжил:

– Теперь, когда все представлены, брифинг объявляю открытым.

Глава 8 – Первый брифинг.

Сразу оговорюсь – тогда, на самом первом своем брифинге, я не понял ни слова из того, что обсуждали между собой егеря. Я был слишком мал и плохо понимал сложные термины, к которым они прибегали в процессе дискуссии. Герман активно участвовал в диалоге и уже не мог ежеминутно отвлекаться на то, чтобы объяснять мне все, чего я не понимал. Смысл и важность принятых на этом собрании решений я осознал, только когда повзрослел. А потому я могу передать лишь примерную суть того разговора.

– Положение дел следующее, – начал свою речь Ковалев. – Мы на планете находимся уже год и представляем ветвь человеческой расы, попавшую в этот мир случайно. Причину этого сбоя физики называют «законом наблюдателя». Проходя через червоточину из другой точки вселенной, мы вернулись не в свой мир, а в параллельный. В мир с другой высокоразвитой человеческой расой. Оан Юэн – представитель данной расы.

Ковалев сделал паузу и, убедившись, что никто ничего не упустил, продолжил:

– Мы застали эту расу в самом разгаре борьбы за выживание после произошедшего примерно три тысячи лет назад катаклизма. Суть катаклизма – резкое изменение климата планеты вследствие столкновения с огромным плане-

тоидом. Цель борьбы – населить мир сотней миллионов искусственно выращенных людей, готовых к активной деятельности. По известным прискорбным причинам, – он выразительно обвел присутствующих взглядом, – «Магеллан» покинул нашу планету и в данный момент производит разгон по траектории, ведущей к червоточине за пределами нашей звездной системы.

(Описанные события подробно изложены в первой книге цикла «Магеллан – прибытие»).

Ковалев вновь обвел взглядом присутствующих:

– Надеюсь, ничего не упустил. Итак, слово предоставляется Герману Мечникову.

– Не понимаю, к чему такой официоз, Егор, – пробубнил Герман, выходя в центр зала.

– Товарищ полковник! – таким же официальным тоном произнес майор Ковалев. – Мы военнослужащие и обязаны вести протокол официальных заседаний. В данный момент главный компьютер «Ермака» ведет запись. Протокол заседания будет зашифрован и передан на «Магеллан». Они получают его сразу же, как выйдут из криосна возле червоточины.

– Егор, это случится через сорок пять лет. Даже если они решат вернуться за нами на Землю, никаких нас уже не будет!

– Плюс ко всему, мы не сможем даже узнать об этом решении, – добавила Мария флегматично. – Наши локаторы

слишком слабы, чтобы принять их сигнал. Зная своего отца, могу сказать, что он примет решение продолжать экспедицию. Тем более после того, как получит сообщение о том, что покинул не свой родной мир, а всего лишь параллельный.

– И все равно, – настаивал Ковалев, – это не повод плевать на дисциплину! Только благодаря адекватно выстроенной и отлаженной системе единоначалия нам удастся сохранять свой культурный облик в этом мире.

– Соглашусь с тобой, товарищ майор, – примирительно поднял руки Герман, хотя позже я узнал, что согласен он был с Ковалевым лишь отчасти. – Доложу по форме. Итак. Мы все столкнулись на планете с большой проблемой. По неизвестным нам причинам высокоразвитая раса землян не смогла наладить четкое воспроизведение себе подобных особей.

Герман сделал паузу и посмотрел на Оана, который коротко кивнул, соглашаясь с тезисом. Затем продолжил:

– Вернее, наладить-то они наладили – репродуктивные поля работают исправно и по сей день, производя в год не менее десяти тысяч половозрелых особей. Только вот после произошедшего на «объекте» бунта сотрапезников нашим высокоразвитым коллегам пришлось оставить на время посевную и ретироваться в заполярье, дабы сохранить хоть кого-то, кто смог бы продолжать выполнять функцию жнецов в будущем.

Оан вновь кивнул, подтверждая сказанное. Герман продолжил:

– Длительное время объекты пустовали, работая в автоматическом режиме. Их уже запущенные алгоритмы попросту не успели переписать. Новоиспеченных граждан планеты некому было встречать и учить. Доподлинно известно, что открытый нами год назад «объект» произвел и выпустил в свет не менее ста тысяч человек. Без контроля со стороны жнецов большая часть из них погибла по естественным причинам. Голод, холод и дикая природа не дали бедным подросткам и шанса на выживание в холодное время года. В течение же короткого лета, когда эти бедные дети имели максимальные шансы выжить в дикой природе, их отлавливали и порабощали местные жители.

Герман бегло взглянул на меня, словно оценивая, можно ли выкладывать при мне всю правду. Не найдя, по всей видимости, причин утаивать что-либо, он продолжил:

– Программы, которые закладываются инкубаторами в память каждого эмбриона, начинают работать только при условии попадания готовой особи в адекватную человеческую среду. Это нам поведал наш техник Оан. Наша последняя экспедиция в Пустошь длилась почти год и была направлена на поиск ответов. В первую очередь нам было важно узнать о судьбе остальных выживших жнецов из группы Оана, бесследно исчезнувших из своих гибернационных капсул полярной плавучей станции. Их следы обнаружить так и не удалось. Никто из местных жителей с небесными людьми в обозримом прошлом не контактировал. Второй вопрос, волно-

вавший нас, – есть ли на планете в настоящее время функционирующие объекты, подобные нашему, и если да, то в каком масштабе они производят кореллов?

– Что удалось выяснить? – поинтересовался Оан.

– Немного, – признался Герман. – Великий кнес Владеймир второй, местный правитель, неохотно идет на контакт и не раскрывает своих тайн. С его слов, технологии, которыми он владеет, передали его отцу некие небесные люди. По преданиям сотрапезников, эти небесные люди спустились к ним тысячу лет назад и с тех пор регулярно посещают нашу планету. Со слов кнеса, это событие было настолько масштабным, что люди на планете начали делить свою историю на «до» и «после» их пришествия. Даже летоисчисление обнулили. Сейчас на планете по их летоисчислению одна тысяча девяносто первый год. Владеймир рассказывал, что небесные люди прилетают раз в сто лет и делятся некоторыми своими технологиями.

– Как раз столько могут находиться в анабиозе люди в наших криокапсулах, – прокомментировал Оан. – После этого капсулы нужно перезаправлять и обслуживать.

Герман кивнул. Информация действительно была важной. Выходит, где-то в Пустоши все-таки есть еще одна база с небесными людьми – современниками Оана. Остается только найти их и понять, почему они бросили его на этой полярной станции одного. Затем продолжил доклад:

– Для защиты крепостей от набегов огромных медве-

дей-людоедов небесные люди выделили кнесу Владеймиру электродуговую установку, обладающую колоссальной разрушительной силой. Мы провели ряд замеров и пришли к выводу, что кнес не лжет. Все указывает на то, что электродуговую установку ему подарили именно жнецы. Во всяком случае, технология получения электроэнергии из поля Земли у этой установки такая же, как у гибернационных капсул на полярной станции. Схемы электропитания двух разных механизмов идентичны и полностью копируют таковые на «объекте».

– Выходит, вся имеющаяся инфраструктура на планете – дело рук расы Оана, – резюмировал Ковалев.

– Да, – согласился Герман и добавил. – Естественно, имея такое мощное вооружение и практически неприступную крепость, Владеймир второй в настоящее время играет ключевую роль в регионе. У него есть возможность безнаказанно совершать набеги на соседние кнежити и сдачи получить он совершенно не боится. Кнес установил в регионе свою диктатуру и до сегодняшнего дня довольствуется сбором дани с покоренных соседей и зарабатывает торговлей кореллами. Как живыми, так и...

Герман встал и прошелся по центру комнаты, словно подбирая слова. Наконец он решился:

– Как вижу ситуацию я. Небесные люди – это представители высокоразвитой цивилизации этой планеты. Оан – их прямой потомок. Вполне возможно, гибернационные каме-

ры оставшихся членов группы Оана по какой-то причине вышли из строя, и последним выжившим жнецам пришлось возвращаться и договариваться с местными властями. Кнес и его народ, называющие себя «сотрапезниками», – это потомки выживших после катастрофы людей. А небесные люди – представители более ранней и более развитой цивилизации, к сожалению, не сумевшей взять в свои руки контроль над местным населением. Заселение планеты – дело длительное и требующее слаженной работы нескольких поколений людей под руководством выживших ученых.

– У нас не было четкого плана действий, – вмешался в доклад Оан. – Наши ученые на скорую руку разработали план заселения планеты, а генетики быстро настругали огромное количество эмбрионов, взяв биологический материал из распространенных в наше время банков спермы и яйцеклеток. На самом деле, мы сотворили маленькое чудо, успев реализовать столь масштабный проект в отведенные нам сроки. От начала работы и до выведения на орбиту луны последних челноков с эмбрионами прошло всего пятьдесят лет. И все это время нам приходилось скрывать от большей части общества масштабы надвигающейся угрозы. Мы боялись паники и хаоса, которые неминуемо наступили бы в этом случае. Если бы мы позволили обществу впасть в панику, ни о каком проекте заселения Земли и думать бы уже не приходилось. Но реализация плана сильно хромала даже в условиях тотальной конспирации. Наши ученые прикинули риски и при-

шли к выводу, что после смерти первых жнецов их потомки могут и не захотеть продолжать начатое нами дело. Было принято решение работать вахтами. Большая часть ученых уходила в гибернацию на несколько лет, а меньшая часть занималась воспитанием новых поселенцев и ассимиляцией их среди уже имеющегося населения. Затем они сменялись. Параллельно, при достижении обществом определенного уровня эволюции, с ним делились нужными технологиями, чтобы обеспечить очередной толчок к развитию. Таким образом, контроль над рождением и ростом численности населения Земли принадлежал тем, кто и начинал весь процесс.

– Спасибо, Оан, – поблагодарил Герман.

Было видно, что они не раз обсуждали все возможные варианты развития событий и придерживаются одной генеральной линии. Судя по всему, именно ее сейчас и озвучивал Герман.

– В какой-то момент местные жители, привлекаемые к работе небесными людьми в попытках заново заселить планету, поняли, что при постоянном росте численности населения Земли их власть будет уменьшаться. Вполне закономерным было то, что местные кнесы подняли бунт против своих прародителей и уничтожили все гибернационные капсулы с учеными на объекте «Колыбель», тогда как ранее запрограммированные учеными инкубаторы продолжали исправно поставлять новых людей. Встречать новоиспеченных землян в Пустоши уже было некому, и бедные дети – сотрапезники на-

зывают их «кореллы» – в итоге либо погибали от естественных причин, либо оставались дикими навсегда. Так как интеллект кореллов был сохранен, местные аборигены решили их отлавливать и использовать в качестве рабов и, как это ни ужасно, в пищу. Сейчас местные элиты искусственно преграждают кореллам путь к образованию и социализации, поддерживая в обществе миф о том, что кореллы являются дикими от природы. Их покупают, продают, цинично используют их рабский труд в своих корыстных целях.

– В чем проблема? – возмущенно подал голос Саша Репей. – Разнести к чертовой матери всех местных божков и воспитать оставшихся кореллов нормальными людьми. Нам это вполне под силу.

– Не все так просто, господа, – пояснил Ковалев, вставая с места. – Наш главный медик, полковник Мечников, подсчитал, что оставшихся на объекте кореллов не хватит для того, чтобы в текущих условиях обеспечить естественный прирост населения.

Герман подтвердил сказанное:

– Их на объекте осталось примерно столько же, сколько сотрапезников на поверхности. Проблема как раз в том, что для того, чтобы запустился естественный прирост населения в данном регионе, необходимо ассимилировать эти две народности. Но если кореллов для этого нужно всего лишь правильно воспитать, то сотрапезников уже не воспитаешь. Их придется принуждать к слиянию. А большая их часть на-

столько привыкла к текущему укладу, что просто не сможет жить бок о бок с теми, кого считает дикарями. Плюс ко всему, элиты в лице кнеса Владеймира и ему подобных не пойдут на этот шаг, поскольку тогда придется делиться своей властью.

– И что же делать? – спросил Коля Болотов. – Кругом одна засада.

Ответил Егор Ковалев:

– Герман считает, что нужно использовать мягкую силу убеждения. Использовать сочувствующие нам силы среди сотрапезников и постепенно выводить их на лидирующие позиции. Параллельно доказывать им, что кореллы не дикари и способны к обучению. Уводить общество от рабовладельческого строя и каннибализма. А когда настроения в социуме будут соответствовать нашим планам, устроить своеобразный переворот и уже после начинать активно ассимилировать эти две нации друг с другом.

– План, конечно, так себе, – скептически отозвалась Мария. – Было бы куда эффективнее навалить этим сотрапезникам.

– На планете их около ста миллионов, – возразил Герман, – и они рассредоточены на огромной территории. Наш челнок ограничен запасом хода в три тысячи километров, без дозаправки вернуться обратно не получится. Выходит, на «Ермаке» всех не отыщешь и всем не навалиешь. И это я молчу, что мы понятия не имеем о том, что творится на

других континентах, в другом полушарии. Тут необходимо именно примирение и объединение сотрапезников с кореллами на территории с самой большой плотностью населения. Центр диктует тренды. Только тогда, с достижением необходимой критической массы людей, с развитием культуры и государственности можно будет надеяться на естественный ход развития общества и прирост населения.

– И это при условии, что мы найдем все селекционные «объекты» и сможем взять их под контроль, – завершил доклад Германа Егор Ковалев.

Тут со своего места встал Оан:

– Есть еще одна проблема.

Все дружно посмотрели на техника. Оан не стал ходить вокруг да около и со свойственной людям его расы невозмутимостью озвучил суть:

– Всем известно, что за последний год из подконтрольного нам «объекта» не появилось ни одного корелла. Так вот, последние три месяца мы не имеем доступа к «объекту». Все люки заблокированы изнутри.

Среди собравшихся будто образовался вакуум. Даже я, глупый несмышлениш, понял, что Оан сейчас сказал нечто страшное. Когда я стал постарше, подучился и начал сообщать, как егеря, Герман рассказал о том, как он обнаружил «объект» с огромным количеством инкубаторов. После спасения Оана они вернулись на него из заполярья. На коротком совещании было принято решение надавить на кне-

са. Нужно было открыть глаза зажавшимся элитам на правду. Кореллы – люди! И делать из них рабов, а уж тем более есть их – страшный грех. Егеря всей толпой направились в главный город кнежити, но тогда договориться с наска не удалось. Кнес, понимая, что на его стороне сила, наотрез отказался слушать егерей и пригрозил разнести их летающую птицу на куски, если они попытаются еще раз сунуть свой нос в политические дела кнежити. Вступать в открытое боевое столкновение с хорошо вооруженной крепостью егеря не решились. Кто знает, чем еще небесные люди наградили этих недоразвитых аборигенов?

Вернулись егеря к «объекту» ни с чем и обнаружили, что пещеры, через которые Герман впервые туда проник, обвалились. В тот момент егеря решили, что их попросту смыло водой, но вскоре узнали о еще одном сюрпризе. Герман рассказал, что у них был доступ к «объекту» через люк, который он и Чак Ноллан обнаружили во время своей второй экспедиции. Пробравшись к инкубаторам во второй раз, егеря не нашли там ни одного ребенка. Все огромное подземное пространство оказалось пустым. Не было ни трупов, ни новых кореллов, а все инкубаторы перешли в режим ожидания. Учитывая масштабные разрушения при обрушении пещеры, все решили, что система сама заблокировала процесс выведения эмбрионов в инкубаторах. Оан с тех пор все возился с системой, пытаясь взломать ее и получить полный доступ к «объекту».

– Что значит «заблокированы изнутри»? – не понял Герман.

– Я не уверен, – осторожно подбирая слова, сказал Оан, – но мне кажется, что кто-то переписал программу «Колыбели» и блокирует все мои попытки взломать систему.

– Кто-то? – переспросил Герман, недоверчиво прищурившись.

– Да, – глядя ему в глаза, ответил Оан. – Я понимаю, что звучит это странно, и что только я имел доступ к системе.

– И три месяца с ней работал, пока мы бороздили Пустошь, – вставила Мария.

– Да, – согласился Оан. – И мне действительно почти удалось взять под контроль все системы «объекта». Но буквально на днях операционная система «Колыбели» не позволила мне войти под моим собственным паролем. А затем интерфейс и вовсе перестал отзываться на команды. Я попытался обойти систему и наткнулся на мощный файрвол, преодолеть который мои портативные вычислительные машины не в состоянии. Увы, – подытожил Оан, – в настоящий момент доступ к «объекту» утерян.

– А открыть люк силой? – уточнил Ковалев. – Просто механически замкнуть провода, как мы делали это раньше, нельзя?

– Чак и Сергей уже третий месяц пытаются это сделать, но пока безрезультатно, – развел руками Оан.

– Черт-те что творится! – выругался Ковалев и завершил

запись брифинга.

Глава 9 – «Объект».

– И чего ты молчал три месяца? – раздраженно спросила Мария, когда мы шли обратно на «Ермак».

Оан не стал тушеваться и резонно ответил:

– В последнем своем докладе вы передали на базу, что Герман ушел в Пустошь, договариваться с племенами и кого-то искать.

– При чем тут я? – удивился Герман.

– Мария не бросила бы вас одного в Пустоши, даже если бы я сообщил, что планета поменяла ось наклона и раскололась пополам. И потом, если бы «Ермак» вернулся на базу, то ваш сигнал бедствия никто бы не принял, и этого разговора уже не было бы.

– Что верно, то верно, – согласился Герман, бросив взгляд на меня, бегущего рядом. – Но сообщить вы нам все же должны были.

– Признаться, поначалу я думал, что сам справлюсь, – почесал затылок Оан. – Но, когда увидел четкий след постороннего вмешательства в исходный код, понял – на объекте творится что-то неладное.

– Удалось что-нибудь еще выяснить? – вмешался Ковалев, пока мы занимали места внутри «Ермака».

– Удалось измерить энергопотребление «объекта».

– И что там?

– Мы следили за расходом энергии на «объекте» с момента приостановки работы инкубаторов. На тот момент активность ядра процессора была минимальной. Он словно в спящий режим ушел и энергию, почти не потреблял. Но когда запустился вновь...

Оан почему-то запнулся. Он посмотрел сначала на Марию, затем на Германа.

– Ну не тяни, Оан! – окликнула техника Мария.

Мужчина встрепенулся и выпалил:

– Я такой активности не видел даже на наших лунных орбитальных станциях.

– В смысле? – не поняла Мария.

– Такое впечатление, что квантовый компьютер «объекта» не просто ожил – он сейчас качает такие пласты информации, что можно только гадать, чем он там занимается.

– Известно, куда он эту информацию передает?

– Никуда не передает. Просто поглощает из недр земли мегаватты энергии и производит какую-то объемную вычислительную работу.

– Настолько большую, что требуется такое количество энергии? – спросил Герман.

Оан лишь плечами пожал.

– Что ж, давайте-ка слетаем на объект, – предложила Мария и обратилась ко мне. – Эй, Конь...

– Игорь, – поправил девушку Герман.

– Игорь – слишком грузное имя для малыша. Давай пока

Игорьком будет. Ты как, лететь сможешь?

Я с готовностью закивал головой, хотя на самом деле не был так уж уверен в своих силах.

– Когда ты с чем-то согласен, – начал учить меня Герман, – говори «да». Ты меня понял?

– Да, – одними губами прошептал я.

– Громче!

– Да! – довольно звонко отозвался я, видя, как радуются моим успехам егеря.

– Ну и славно, – ответила Мария. – Всем пристегнуться! Лететь недолго.

Место для своей базы егеря выбрали в низине, недалеко от круглого лесного озера. Прикрытая с одной стороны скалой, возникшей в эпоху землетрясений, а с другой озерной гладью, база была надежно укрыта от посторонних глаз. Вода в озере была соленой, и потому зимой толщина льда не превышала и пяти сантиметров, что гарантировало безопасность этого направления. Оан рассказал нам, что в озеро сбрасывались продукты обмена со всех отработавших инкубаторов «Колыбели», именно этим и объяснялась его аномальная соленость.

Единственным слабым местом егерского сруба, окруженного внушительным частоколом из бревен, был лесной массив. По периметру небольшой полянки, расчищенной специально для «Ермака», стояли две плазменные турели. Это сейчас я могу свободно описывать наш маленький укрепрай-

он, а тогда, глядя на все это фортификационное сооружение из иллюминатора набирающего высоту «Ермака», я подумал, что не так уж и далеко в бытовом плане ушли егеря от сотрапезников. Те же стены из бревен, довольно грубо сработанный сруб. Даже окна в срубе были из того же мутного стекла, которым пользовались сотрапезники. Его в нашей глуши еще поди достань. Разница была лишь в деталях. Мостки импровизированной пристани, сейчас замороженные в ледяную гладь озера, были не деревянными, как у Курьмы, а из материала, напоминающего обшивку «Ермака». Из покатой крыши сруба торчали в разные стороны многочисленные антенны дальней связи, а в небольшом сарае позади него постоянно тарахтел генератор.

Герман рассказал мне, что, когда они прибыли на землю, у них было целых три птицы, но две из них развалились еще в воздухе из-за предательства одного из членов экипажа «Магеллана». О нем они почему-то не хотели говорить. Между собой предателя называли так же, как и моего Германа – «доктор», только всегда добавляли презрительное – «старый».

Старый доктор, судя по всему, наворотил много чего плохого, раз о нем с таким отвращением говорили и Мария, и Герман, и Ковалев. Остальные же вообще старались его не упоминать.

Исследовав места падения двух других челноков, егеря нашли много обломков. Большая часть представляла собой

бесполезный мусор, обугленный при входе в атмосферу, но некоторые вещи все же сохранились в хорошем состоянии. Крупные куски обшивки егеря использовали в качестве материала для строительства. Сохранились даже некоторые грузовые контейнеры. Перебрав их содержимое, Ковалев со своими десантниками смог соорудить три плазменных турели. Две из них егеря поставили на базе, а третьей прикрывали аварийный выход из подземного «объекта» небесных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.